

МОДИФИКАЦИИ КОНЦЕПТА НАЦИИ В БИНАРНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ИМИТАЦИОННОЙ ПАРТИЙНОСТИ (статья 1)

С.И. Бойко

Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье представлена политическая модель конструктивистского подхода к нации. Автор использует исторические параллели между национальным строительством в кайзеровской Германии и постсоветской России, а также показывает связь между бинарной оппозицией партии власти и партии без власти, характерной для постсоветской России, с системой русской власти как фундаментального явления русской политической культуры.*

Ключевые слова: *русская власть, партия власти, партии без власти, политические фигуры (Самозванец, Шут, Изгой), значимая идиома, политический дискурс, имитационная партийность.*

Цель статьи — показать, что принцип дистанции как требование концептологического подхода логично дополняется формулировкой политических фигур, описывающих дискурсивное поведение политических партий как акторов российской имитационной партийности. Концепт нации при этом рассматривается как «значимая идиома» в контексте межпартийной борьбы за монопольное право на определение ключевых концептов политического дискурса.

Концепт нации в партийном дискурсе постсоветской России: исходный конструкт исследования

Основанием для конструкта российская нация выступает феномен официального (правительственного) национализма. Термины «российская нация», «российский народ», «россияне» и т. п. мы трактуем как продукт современного официального (правительственного) национализма, который — как и в бисмарковской Германии — колеблется между гражданским, государственным и этническим концептами нации. В дискурсивном плане это выражается в движении от простой симуляции «нации россиян» посредством пиаровских кампаний политической бюрократии к реальной практике «изобретения» национальных традиций.

При этом не следует смешивать три разных (хотя и взаимосвязанных) концепта нации: 1) «нация» как наименование для патриотического консенсуса на уровне низового национального сознания; 2) нация как концепт националистической идеологии; 3) нация как идеологический артефакт в дискурсе отдельной политической партии¹.

Как показывает опыт Германии и России, национальное самосознание не возникает сразу и во всей своей общности. Государственная нация, которая в СССР называлась «советским», а сегодня «российским» народом, есть аналог того, что в Германии называлось «рейхснацией» (государственной нацией). Но в Германии была ещё «нация князей», аналогом которой в СССР была «партноменклатура». В постсоветской России такую нацию составляют бюрократы, организованные в более лабильную, чем КПСС, партию власти. Номенклатуре не надо было строить нацию — она уже была нацией, подобно тому, как князьям «Священной Римской империи немецкой нации» не надо было создавать какую-то другую нацию, — под «немецкой нацией» в названии этого государства подразумевалась не современная гражданская или этническая нация, но нация имперская. А она представляла собой не политическую общность народа, но политический союз, способный обеспечить свой суверенитет, прежде всего, от королевской власти (народ был пока не в счёт).

По словам О. Данна, в упомянутой империи получил развитие «общеимперский рейхспатриотизм консервативного толка», а вместе с ним — и зачатки национализма, который выступает с антипрогрессивных, антиреволюционных, религиозно-фундаменталистских позиций [Данн 2003: 60]. Аналогичный феномен возник и в Российской империи. Консервативный концепт нации — это имперский концепт рейхс-нации с её официальным (бюрократическим) национализмом. Но помимо консервативной трактовки нации, были трактовки либеральные и демократические, составляющие эмансипаторное направление национальных движений.

По словам О. Данна, термин «немецкий» перестал быть в этнонационалистическом дискурсе «понятием, связанным с национальной интеграцией; напротив, это слово стало использоваться для выражения этнического отторжения и тем самым изменило свой смысл» [Там же: 192–193]. Причём речь шла не только о том, что этнические немцы (как люди, к примеру, говорящие на немецком как родном языке) противопоставлялись не-немцам (французам, полякам и т. д.); ещё важнее то, что «из числа немцев исключались немцы либеральных, социал-демократических убеждений и немцы еврейского происхождения» [Там же: 197]. Это важно и в новейшей истории концепта «русский» в постсоветской России. В идеологии официального (правительственного) национализма термин «русский» инклюзивен и сближается по смыслу с термином «российский». Соответственно, русские трактуются как цивилизационный стержень и государствообразующий элемент «многонационального народа России (российской нации)». А вот в организованном русском национализме концепт «русский», наоборот, употребляется не в интегративном, а ограничительном смысле. И отнюдь не все, считающие себя русскими, трактуются здесь как «настоящие русские». Из таковых могут исключаться неславяне, неправославные и т. п. [Калинин 2008: 64–76].

Функциональный статус националистических идей (которые в более или менее рыхлом виде встречаются практически в любой партийно-политической идеологии) кардинально меняется с переходом к организованному национализму. Принципиально важно то, что появление организованного национализма ведёт к «смещению национально-политических

¹ О том, насколько важно иметь в качестве методологического инструмента данные дистинкции (а также упомянутую выше типологию наций), можно проиллюстрировать на примере весьма проблематичного суждения из (самой по себе интересной) статьи М.А. Фадеичевой, посвящённой «непредставленным» идеологемам пресловутого «нашизма»: «Агрессивный национализм становящейся гражданской нации (?), в результате успешной модернизации (?) способен превратиться в здоровый государственный патриотизм (?). Однако из-за трудностей, связанных с процессом модернизации (?), он приобретает гипертрофированную форму (?) и превращается в этнонационализм, который представляет собой самую распространённую дискурсивную практику „нашизма“ (?)» [Фадеичева 2006: 463; Курсив мой — С.Б].

фронтов» [Данн 2003: 200]. Речь идёт о качественном усилении всего правого сектора партийно-политической системы страны. Теперь он противостоит всем оттенкам либерально-демократических сил. Этот момент следует учитывать и при анализе концепта нации в дискурсе российской ЛДПР. При всем радикализме (зачастую пародийном) своей националистической риторики, она остаётся в секторе либерально-демократических сил, противостоящих правому сектору в лице «Родины», «ДПНИ» и т. п. Партия Жириновского — это в точном смысле *либерально-демократическая пародия на этнонационализм*, а не часть организованного национализма в указанном выше смысле.

Роль либеральных сил в становлении германского национального государства схожа с ролью либералов в строительстве национального государства в постсоветской России. Немецкие либералы, по словам О. Данна, не видели «необходимой связи между образованием государства и демократизацией. Национальный вопрос сводился для них к проблеме государственного единства» [Там же: 106]. Напротив, собственно демократические партии ставили указанную связь во главу угла. Государственное единство они мыслили как одно из условий образования (существования) нации, а не как саму нацию. Собственно национальную общность они представляли как реализацию республиканских идеалов Французской революции, принципа народного суверенитета.

Либеральное направление во многих странах европейского континента, включая Россию, существует в двух формах — как национал-либерализм и как демократический либерализм [Там же 2003: 173–174]. Национал-либерализм, изначально руководствуясь модернизационно-прогрессивной программой в разных сферах общества, со временем обнаруживает консервативные черты, особенно в период кризисов. В Германии, например, он стал в итоге носителем империалистических и даже антисемитских тенденций. Соответственно, сторонником имперских и этнонационалистических моделей нации. В постсоветской России национал-либерализм был представлен частью крупного бизнеса, делавшего ставку на союз с властью. Начиная с 2000-х годов, эта часть российских «олигархов» также обнаружила тенденцию к державно-консервативной идеологии², соответственно, к имперскому концепту нации (срав. концепт «либеральной империи» А. Чубайса)³.

Демократический либерализм традиционно был близок к левому движению, ориентируясь на широкие народные массы, а не на крупный бизнес. В постсоветской России типичным примером такой позиции является партия «Яблоко». В тенденции это направление маргинализируется, соответственно, становится маргинальным и развиваемый им гражданский концепт нации.

Специфику партийной системы постсоветской России мы рассматриваем через призму понятия *русской власти*. Сам этот термин, как известно, был введён в оборот российскими учёными Ю.С. Пивоваровым и А.И. Фурсовым, а в одноимённой книге В.П. Макаренко соответствующий феномен стал предметом систематического анализа [Пивоваров, Фурсов 1999:176–197; Макаренко 1998; Пивоваров 2006]. В.А. Дубовцев и Н.С. Розов, обобщая различные толкования феномена русской власти, определяют последнюю как комплекс устойчи-

² Социологические опросы 2000-х годов подтверждают растущий запрос всего российского общества на «державную» идеологию. «Если в 90-е годы многим казалось, что идея великой державы окончательно умерла не только политически, что проявилось в распаде СССР, но и в умах и душах людей, больше озабоченных „своими собственными делами“, чем величием и амбициями государства, то в последнее десятилетие идея „державы“ стала явно получать „второе дыхание“» [Полис 2008 № 3].

³ Удивительно, насколько точно один из «ниспровергателей» системы русской власти воспроизводит в своих рассуждениях её ключевые тезисы: «Идеологией России, по моему глубокому убеждению, на всю обозримую историческую перспективу должен стать либеральный империализм, а миссией России — построение либеральной империи. Это именно то, к чему мы естественно пришли всей своей новейшей историей, ... это именно то, что свойственно, естественно и органично для России — и исторически, и геополитически, и нравственно. Это, наконец, задача такого масштаба, которая поможет нашему народу окончательно преодолеть духовный кризис и по-настоящему сплотит и мобилизует его» [Чубайс 2003].

вых, исторически постоянно воспроизводящихся свойств российских политических режимов. «Речь идёт о самодержавии (в разных формах: от великокняжеской до президентской), о стремлении к максимальной централизации, сосредоточению власти и контролю над ресурсами, нетерпимости к существованию какой-либо оппозиции, привычке делать ставку на принуждение и насилие» [Дубовцев, Розов 2007: 8].

В данной работе мы руководствуемся трактовкой русской власти, предложенной В.П. Макаренко. Соответственно, понимаем под ней систему «троевластия», которую составляет «интерес власти, переплетённой с собственностью и духовным господством [Макаренко 1998: 438–439]. В этой системе «русско-советский и советско-русский властитель-собственник-жрец сам был и остаётся единственным основанием своей физической, экономической и духовной власти» [Там же: 438].

Типичным проявлением системы «русской власти» является установившийся в России с 1993 года политический режим, получивший в отечественной публицистике и политологии название «партия власти».

Под партией власти, мы, вслед за А. Кыневым, понимаем партию, которая создаётся «по инициативе и под патронажем правящей политической элиты (в России её представляют администрация президента и правительство) в качестве главного выразителя её интересов в сфере публичной политики» [Кынев 2013]. Партия власти не является «правящей» в смысле партии, победившей на выборах и формирующей правительство в условиях парламентской демократии. С другой стороны, она не выступает частью госаппарата, подобно КПСС, которая официально выступала «ядром политической системы советского общества» [Кукушкин, Чистяков 1987: 319].

Конституционный дизайн современной России обнаруживает общий недостаток сверх-сильных президентских систем правления: поощрение слабых партий в рамках неустойчивой, фрагментированной партийной системы. Чтобы стабилизировать эту систему и минимизировать риск частых смен правительства (как это стало обычным явлением в последние годы правления Б. Ельцина), президент может установить контроль над парламентом, если будет располагать в нем лояльной себе партией большинства. Вопрос только в том, как сформировать такую партию? И здесь в дело включаются уже не институционально-правовые, а культурно-политические характеристики режима, прежде всего, наличие в стране реальной политической конкуренции в рамках свободных выборов.

Если в обществе есть консенсус внутри политических элит относительно того, что обновление власти осуществляется через выборный механизм, тогда президенту, озабоченному поддержкой своей политики со стороны партии парламентского большинства, надо, прежде всего, обеспечить её электоральную поддержку. Если же такого консенсуса нет, тогда выборы только симулируются, и мы имеем дело с тем, что М. Вебер называл «мнимым парламентаризмом».

Такой парламентаризм, — писал немецкий социолог, — «зиждется на лелеемой сторонниками соответствующих партий аксиоме: всякое правительство и его представители по своей природе с необходимостью должны быть „консервативными“... В управлении господствуют партийные интересы только находящегося у власти консервативного чиновничества и организационно связанных с ним кругов заинтересованных лиц» [Вебер 2003: 186–187]. Правда, в научной литературе отмечается, что феномен «партии власти» противоречит веберовскому различию между профессиональным долгом политика и чиновника. Однако с немецким опытом несоответствия этой идеально-типической дихотомии имел дело и сам Вебер, анализируя феномен «политического господства чиновников» в Германской империи после Бисмарка [Там же: 148]. Аналогичный опыт представляет собой как господство советской «номенклатуры», так и современной российской бюрократии.

Хотя термин «партия власти» широко вошёл в политический лексикон с появлением на политической сцене страны «Единой России», первая версия (или предтеча) «партии власти»

появилась уже в Государственной Думе первого созыва. «Партия власти» образца 93-го года не создавалась как специальный проект российской бюрократии. Это было политическое объединение близких по идеологическим взглядам людей, основная цель которых проведение либеральных преобразований в стране и предотвращение реставрации коммунистического прошлого. Партия власти в полном смысле этого слова была создана в период первого президентского срока В.В. Путина. Однако идея такой партии не является изобретением эпохи «суверенной демократии». По словам академика Ю.С. Пивоварова, «в начале XX столетия в России родились два проекта политических партий. Причём они были взаимоисключающими. О первом из них, ленинском, мы вполне осведомлены. ...Что касается второго, то до самого последнего времени мы ничего о нем не знали. Не знали до тех пор, пока современный исследователь И. Глебова не обнаружила в архивах письмо московского обер-полицмейстера Д. Трепова Николаю II (сентябрь 1905 г.). Сподвижник последнего императора предлагал создать в Думе и по всей России „партию власти“. Включить в неё начальников всех государственных уровней, взять под контроль прессу, подтянуть к этой партии солидные финансы и т. п.» [Пивоваров 2006: 23].

В современную партию власти, по старому рецепту Д. Трепова, были привлечены начальники всех уровней, взяты под контроль федеральные телевизионные канал, под контролем частично находится пресса, к партии подтянуты значительные финансы. Но вполне это произошло лишь к 2004 году. Нас же интересует, как трансформировался концепт «нация» в политической риторике «партии власти», начиная с первого избрания в Государственную Думу постсоветской России.

Традиция русской власти дала о себе знать, когда выяснилось, что в открытой и относительно честной борьбе на электоральном поле политические партии, претендующие на роль партий власти («Выбор России», «Наш дом Россия») имеют немного шансов завоевать большинство голосов. Администрации президента пришлось прилагать немалые усилия, чтобы усилить проправительственные фракции Думы первого созыва за счёт депутатов-одномандатников⁴.

Система мнимого парламентаризма задаёт имитационную партийную структуру, состоящую из двух элементов: «партии власти» и «партии без власти». Партия без власти так же мало является партией в собственном смысле слова, как и партия власти. Партия власти не является партией, потому что она есть лишь манипулятор-продолжение госаппарата своего патрона, своей политической воли она не имеет. Составляющие же «партию без власти» политические организации такую волю имеют, но у них нет возможности её реализовать, ибо они не могут формировать правительство даже в случае своей победы на выборах. Партия власти была бы вообще не нужна как субъект публичной политики, не имея она функцию быть напротив других партий, объединённых общей сценической «судьбой»: оставаться «вечной оппозицией».

Парламентская «партия без власти» — это не просто метафизическое выражение. Отдельные партии и депутатов группирует в эту «партию» рамочные условия. Это — своего

⁴ После декабрьских выборов 1993 года в Государственную Думу первого созыва, когда 11 января 1994 года состоялось первое пленарное заседание палаты, оказалось, что только 8 избирательных объединений из 13 преодолели 5 процентный барьер. При этом «партии власти» в лице избирательного блока «Выбор России» под руководством Е. Гайдара и «Партии российского единства и согласия (ПРЕС)» С. Шахрая получили по общефедеральному округу, соответственно, 40 и 18 мандатов, тогда как формально оппозиционные партии, ЛДПР В. Жириновского и КПРФ Г. Зюганова, соответственно, 59 и 32 мандата. Однако уже 13 января 1994 г., на втором заседании Думы, расклад политических сил кардинально изменился. По данным Временного секретариата Думы, после предварительной регистрации депутатских объединений, выяснилось, что, вопреки лидерству ЛДПР по итогам голосования, «партия власти» располагает в нижней палате российского парламента фракцией, почти не уступающей по численности своим конкурентам: ДВР (76 чел.) и ПРЕС (30 чел.). Оппозиция, напротив, свое представительство, хотя и улучшила, но не существенно: ЛДПР (63) и КПРФ (45) [Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 13 января 1994 г].

рода коммуникативное (и никак иначе не институализированное) огораживание, куда сбиваются политические «звери» разных видов, птицы разного окраса и оперения. Но когда зверей лишают свободы передвижения, их видовые отличия становятся несущественными, ибо им негде их проявить. Тогда у разных видов обнаруживается функциональное сродство, общие черты вынужденно общего образа жизни, и все это позволяет внешнему наблюдателю говорить о единой партии (подобно тому, как мы говорим о «партии незаконно выловленной рыбы» и т. п.). Причём это функциональное сродство неизбежно ведёт в тенденции к сродству органическому; все «вечные оппозиционеры» со временем становятся друг на друга похожими: своими идеями, поступками, даже образом жизни.

Это меняет главную партийную стратегию в дискурсивной сфере; члены «партии без власти» озабочены не столько тем, чтобы застолбить за собой прочное и оригинальное место на рынке идеологических артефактов, сколько поиском оригинального и узнаваемого костюма на политической сцене мнимого парламентаризма. «Программы» вообще имеют плохую конъюнктуру в эпоху идеологических гибридов, но в условиях мнимого парламентаризма для «партии без власти» идеология вообще имеет смысл только как аксессуар сценической роли.

Идеологический фон в условиях мнимого парламентаризма, в целом, является консервативным, на что указывал и М. Вебер. Консервативное направление, представленное в царской России «благородным сословием» на службе у самодержца, в России советской было представлено партноменклатурой, а сегодня — высшей государственной бюрократией как субъектом отечественной власти-собственности. Выразителем этой позиции в современной России выступает целый ряд крупных партий. Прежде всего, это партия власти («Единая Россия»), но также КПРФ, учреждённая осколком бывшей номенклатуры КПСС, а также и ЛДПР, ориентирующаяся на сильное (имперское) российское государство (в особенности, армию и спецслужбы). В последнее десятилетие между этими партиями наблюдается своего рода «консервативный консенсус», ставший чуть ли не официальной идеологией актуального политического режима.

С учётом и этого обстоятельства, мы включаем в «партию без власти» не все оппозиционные партии, а только те, которые, во-первых, относятся к *системной* (конструктивной) оппозиции по своим программным установкам и политическому поведению; и которые, во-вторых, имеют или имели опыт фракционного представительства в Государственной Думе РФ.

С учётом сказанного, мы можем теперь конкретизировать нашу постановку вопроса: что такое концепт нации в российской «партии без власти»?

«Партия власти» развивает свою версию официального (бюрократического, правительственного) национализма, понятого (вслед за В.П. Макаренко) как проявление системы «русской власти». Но в добавление к предложенному российским политологом понятию бюрократического национализма мы акцентируем, как минимум, два момента. Первый момент, это конструируемый бюрократическим национализмом концепт «русской нации» есть не просто фикция нации, объединяющей всех подданных империи, но и реальность русского этнического национализма наряду с национализмами других этносов России. Другой момент связан с эксплуатацией бюрократическим национализмом феномена государственного патриотизма как формы «протонациональных привязанностей». Под ними подразумеваются традиционные чувства коллективной принадлежности, обладающие «потенциальной способностью действовать на новом, макрополитическом уровне, соответствующем современным нациям и государствам» [Хобсбаум 1998: 75].

Хобсбаум замечает, что в протонациональных идентичностях могут не играть существенной роли такие важные этнические характеристики, как язык, общее происхождение и даже религия (как в случае казаков, например). Зато более важной оказывается общая историческая память, а также культурная общность на основе совместного исторического опыта («общая слава в прошлом» — как выражался Э. Ренан). К этому прошлому может относиться и опыт совместного проживания в общем государстве. Многие современные нации-государ-

ства возникают вначале как государства, а уже потом как нации-государства. И до собственно национальных сообществ они формируют на своей территории у своего населения «протонационалистические чувства» как государственный патриотизм: эффект одной только «причастности к государству», «привычки к пассивному самоотождествлению» с ним [Там же: 138].

Концепт «многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)» [Стратегия государственной национальной политики... 2009] также имеет политический смысл и вес в той мере, в какой он выражает протонациональные связи. Кстати, Хобсбаум к такого рода связям относит как раз идею «Святой Руси», которая «есть идея народная, неофициальная, а вовсе не спущенная сверху властью» [Хобсбаум 1998: 81–82]. Эта идея возникла задолго до того, как имперские верхи России озаботились её «русификацией», то есть стали внедрять концепт «официального национализма». И хотя, — как замечает Хобсбаум, — простонародная идея «Святой Руси» не была с необходимостью связана с идеей нации в современном смысле, она была использована официальным национализмом российских императоров. Для этого «Святую Русь» отождествили с православной верой и бюрократическим государством. По мнению Хобсбаума, первоначальная идея патриотизма опиралась скорее на государство, чем на нацию. Национальная идентичность на основе концепта «российской нации» фактически является государственным патриотизмом. Одним из свежих его примеров являются патриотические настроения среди российского населения в период «Крымского кризиса» 2014 года⁵.

Но и чисто государственный патриотизм, безотносительно к идеологии прав человека и народного суверенитета, может выступать важным ресурсом «официального национализма» империй, строящих свою «государственную нацию». По словам Хобсбаума, тот факт, что в России был царь, безусловно, помогало русским сознавать себя в качестве своего рода нации» [Хобсбаум 1998: 121].

Однако важно иметь в виду, что государственный патриотизм отнюдь не всегда и как бы плавно вырастает в националистическую идеологию как продукт модерна. Национализм возникает как самостоятельная и мощная сила, с которой государственный патриотизм должен был конкурировать, искать союза или вступать в жёсткое противоборство. Эта коллизия была всегда характерна для многонациональных (полиэтнических) европейских государств, прежде всего империй. Она всегда была актуальной и для России. Этнические национализмы, включая русский национализм, все больше бросали вызов официальному национализму Российской империи, а затем патриотизму «советского народа как новой исторической общности», теперь же — нынешнему официальному конструкту «российской нации».

Важная мысль Данна, особенно актуальная в оценке нациостроительства в постсоветской России — это мысль о том, что чувство единой политической общности отнюдь не всегда означает наличия общей национальной идентичности [Данн 2000: 178]. В кайзеровской Германии указанное чувство общности формировалось благодаря усилиям правительства и рейхстага, направленным на модернизацию экономической и социально-политической сферы. Однако ни это чувство, ни волны рейхс-патриотизма не делали фактом германскую нацию, как ещё не делают фактом российскую нацию волны патриотизма в постсоветской России, организуемые функционерами партии власти.

Для продуктивного изучения концептов нации в дискурсе современных российских партий необходима дистанция от такого рода идеологических волн, что требует как раз концептологический метод в смысле В.П. Макаренко. Он предполагает отход как от прямого ана-

⁵ Мы отвлекаемся здесь от самого по себе весьма важного вопроса о формах патриотизма вообще и государственного патриотизма, в частности. О моделях государственного патриотизма в постсоветской России см. Социокультурная и политическая легитимация патриотизма в конфликтных условиях российского переходного общества [Беспалова 2010: 195 и далее]. К отечественной дискуссии по проблеме соотношения патриотизма и национализма [Общественные науки и современность 2004: 71–86].

лиза теоретических конструкций той или иной программно выраженной партийной идеологии (чем ограничиваются философы), так и от речевых форм выражения этой идеологии (чем занимаются лингвисты). Необходим своего рода *драматургический подход*, который учитывает не только то, какие философские доктрины и понятия использует та или иная партийная программа, но и *как она себя ведёт* в дискурсивном пространстве публичной политики, как она там *играет* с этими конструкциями. Без учёта драматургии политических фигур исследователь идеологических концептов в дискурсе современных российских партий рискует оказаться в глупом положении. Он будет относиться к этим концептам слишком серьёзно: как к идеологическим конструктам с теоретико-философским фоном в традиции, со стоящими за ними социальными закономерностями, с воспринимающей их стабильной социальной аудиторией. Тогда как на самом деле как раз для самих партий эти концепты суть не более чем дискурсивный реквизит в ходе политических спектаклей.

Для развития такого подхода можно воспользоваться понятием «социальных характеров», которое ввёл американский философ А. Макинтайр в своей известной работе «После добродетели». В.П. Макаренко — по аналогии и в дополнение к Менеджеру, Эстету и Терапевту как «характерам», вводимым Макинтайром — говорит о Начальнике и Самозванце как социальных фигурах, которые можно вывести из российской истории [Макаренко 2000: 33]. Более того, российский политолог высказывает предположение, что Самозванец и Начальник могут служить «основанием российского типа политической манипуляции» [Там же].

Нам эта мысль представляется весьма плодотворной как раз в применении к дискурсу мнимого парламентаризма. Но для начала следует уточнить понятия.

Макинтайр вводит свой концепт «социальных характеров», отталкиваясь от понятия «социальной драмы» и подчёркивая существенность различия между «ролью» и «характером». В отличие от социальной роли, социальный характер предполагает «слияние роли и личности» [Макинтайр 2000: 41–44], социологических и психологических характеристик, а потому по набору социальных характеров можно судить о *культуре* общества. Мы же предпочитаем говорить не о «социальных характерах», а «политических фигурах» (и в этом случае мы также следуем за В.П. Макаренко, который говорит именно о *фигурах* Самозванца и Начальника). Макинтайр выбирает термин «характер», чтобы подчеркнуть в этом виде ролевого поведения связь драматического и морального. Напротив, термин «фигура» хорошо отражает слияние драматургического и риторического, актуальное для нашего случая дискурсивного поведения политических партий. С учётом сказанного, данный подход можно рассматривать как концептологическую модификацию предложенного Макинтайром драматургического подхода.

Мы называем фигуру, описывающую дискурсивное поведение партии власти, Начальником. Введение этой фигуры необходимо, чтобы выразить один момент, который традиционной упускается в литературе о партии власти. Акцентируя уникальность этого российского феномена по сравнению с другими постсоциалистическими странами, авторы упускают из вида (или недооценивают) его типичность для русской политической традиции. Концепт политической фигуры Начальника является прямым дополнением понятия партии власти в контексте теории русской власти. Партия власти как Начальник означает, что эта партия продолжает определённую функцию внутри культурно-политической системы, которая обозначается термином «русская власть», и которая выражает общие моменты политической культуры России на протяжении веков.

В среде «партии без власти» мы выделяем три политические фигуры: Самозванца, Шута и Изгоя. Эти фигуры носят идеально-типический характер, поэтому невозможно какую-то конкретную политическую партию в целом отнести к одной из этих фигур. Хотя в какой-то конкретный период своей биографии партия позволяет такое отнесение. К примеру, избирательный блок (позже партия) «Демократический Выбор России» одно время в качестве

«партии власти» играла роль Начальника, а затем стала либеральным Изгоем российской политической «сцены». Более стабильным на этой сцене представляется отнесение КПРФ к фигуре «Самозванца», а ЛДПР — к фигуре Шута, но и это требует существенных пояснений.

Следует иметь в виду, что фигуры Начальника, Самозванца, Шута и Изгоя относятся не только к классу, составленному из отдельных личностей, их мыслей и поступков, но характеризуют целые типы отношений между людьми, самих этих людей. Когда мы, например, говорим о фигуре Начальника, мы подразумеваем не только какого-то главу партии власти, но всю эту партию, вовлечённую в сеть патронажно-клиентельных отношений, характерных для отечественной системы власти-собственности. Аналогично и в случае фигуры Самозванца. Это понятие характеризует не столько отдельных политиков в роли «самозванцев», сколько определённый менталитет, а также тип отношений между такими политиками и их сторонниками (электоратом), их оценку действующей (с их точки зрения не вполне легитимной) власти, взаимоотношений с этой властью и т. д.

В этой работе мы исходим из того, что анализ политического дискурса более адекватно описывает поведение политических партий в России, чем анализ их идеологии. Известный российский политолог О.Ю. Малинова называет, по меньшей мере, два довода в пользу этого суждения. Первый довод носит глобальный характер и состоит в том, что перманентная революция в средствах коммуникации приводит к тому, что идеология перестаёт быть главным орудием политической мобилизации. «На смену идеологам приходят политтехнологи», в результате чего «из атрибута идеология превращается в необходимый, но не слишком функционально полезный антураж» [Малинова 2001: 98]. На повышение роли неидеологических мотиваций поведения политических акторов (как в России, так и за рубежом) указывали многие российские авторы, к примеру, А.И. Соловьёв [Соловьёв 2001: 5–23]. В классически ясной форме эта тенденция изложена французским политологом Б. Маненом, в его концепции аудиторной демократии. Снижение роли идеологий в жизни партий он объясняет персонализацией политики, эрозией стабильных социальных расколов, «надпартийностью» СМИ и не в последнюю очередь тем, что электоральный выбор определяется сегодня не социальным положением и семейными традициями, а в зависимости от того, какой вопрос обсуждается в обществе [Манен 2008: 284].

Вторая причина уходит корнями в особенности отечественной политики. Формирование партийной системы в постсоветской России подчинялось логике, которая была внешней процессам реального социального структурирования [Малинова 2001: 98]. Исполнительная власть, поскольку она не формировалась в зависимости от успеха политических партий в условиях реальной конкуренции, определялась борьбой различных группировок и кланов. У последних есть, конечно, свои идеологические предпочтения, однако они не определяют конфигурацию этой власти. Возникновение мощной «партии власти» в лице «Единой России» меняет эту картину только формально, но не по существу. В этом можно легко убедиться, сравнивая документы идеологических «платформ» единороссов. Идеологические различия носят здесь внешний характер, сливаясь в рамках консервативного консенсуса. В любом случае, концепта нации (самого по себе ключевого для сохранения и развития России) они вообще не касаются. В результате партийные программы не вполне справлялись с функцией идеологической артикуляции реальных социально-политических разломов.

Таким образом, партийный дискурс только отчасти описывается в идеологических терминах. К примеру, чтобы понять, почему в этом дискурсе «Единой России» такую важную роль в настоящее время занимает консервативная риторика (чего не было двадцать лет тому назад) — для этого надо исходить не из отличительных черт консерватизма как политической идеологии, а из самой природы «русской власти» и «партии власти».

В этой связи интересен дискурсивно-контекстуальный подход к нации, который развивает американская антрополог и политолог Кэтрин Вердери. Для неё нация есть «мощный символ» и «идеологический конструкт» [Вердери 2002: 297]. Как и все символы, «нация»

неоднозначна. Использование данного символа «пробуждает чувства и склонности, которые формировались по отношению к нации на протяжении десятилетий так называемого национального строительства» [Там же: 298]. С учётом сказанного выше, можно без особой натяжки резюмировать так понятую символичность нации в её квалификации как «концепта» политического дискурса.

В отличие от структурно-функционального и институционального подходов, концептологический подход не рассматривает национализм как особую идеологию, отличную от либерализма, консерватизма, социализма и т. п. Вместо этого, он прежде всего идентифицирует социально-политический контекст. Последний разумеется включает в себя и какие-то идеологии, но также и прочие политические феномены. Для политической концептологии национализм — это не столько комплекс каких-то идей и понятий, сколько «политическое применение символа нации при помощи дискурса и политической деятельности» [Там же]. Другими словами, нация и национализм понимаются в политической концептологии как дискурсивные конструкты, смысл которых определяется контекстом межгрупповой (межпартийной) борьбы. Этот смысл не может быть стабильным, он меняется вместе с изменением складывающегося баланса политических сил. Соответственно, для исследователя этого концепта следует всегда задаваться вопросом о том, какие цели преследуют политические акторы, которые стараются «монополизировать» концепт нации.

Как поступают при этом партии? Разумеется, какая-то партия может напрямую заявить, что только она — подлинно национальная партия, а её политические конкуренты — чужды «национальным интересам». Однако тенденциозность такой позиции слишком очевидна, поэтому она не эффективна в дискурсивном противоборстве партий. Более действенным средством представляется не открытая узурпация права *использования* концепта, а негласное присвоение *права его определения*.

П. Бурдьё даёт некоторые идеи к пониманию того, как происходит это присвоение права на определение концепта. Он пишет о борьбе политических агентов «за монополию легитимной *номинации* как официального — эксплицитного и публичного — благословения легитимного видения социального мира» [Бурдьё 1993:72]. Для этого политические агенты используют «символический капитал», который представлен, по Бурдьё, в виде таксономий как систем названий. Эти названия подразделяется на два типа: частные и официальные. Особую ценность для политических партий представляют собой официальные наименования. К ним относится и официальный термин «нация». Кто обладает смысловой монополией на определение этого термина, тот обладает «монополией на легитимное символическое насилие» [Там же]. Но такой монополией отнюдь не всегда обладает тот, кто владеет в государстве монополией на легитимное физическое насилие, и в этом как раз состоит интрига политического процесса.

В борьбе за приватизацию официального понятия-символа «нация» партии прибегают к тактике «бесконечных новых интерпретациях общего „кладезя“ священных выражений» [Там же] с претензией предложить общественности самый «истинный» смысл этого стратегического концепта.

Таким образом, основная цель, которую преследуют группировки, борющиеся за такие ключевые политические концепты, как «нация», состоит в том, чтобы заставить их работать на свои партийные цели. Это не обязательно должно выглядеть как их истолкование в духе партийной идеологии. Часто последняя сама носит весьма расплывчатый характер. Важнее использовать стратегические концепты для легитимации каких-то конкретных акций и партийных стратегий, в сущности — политического торга.

Так, анализ «нации» как *политического концепта* предполагает изучение борьбы политических акторов. В контексте этой борьбы «нация» становится «значимой идиомой, то есть своего рода валютой, используемой в торговле позициями, которые могут не иметь никакого отношения к нации» [Вердери 2002: 302]. И как языковой «всеобщий эквивалент», концепт

нации позволяет, с одной стороны, интегрировать дискурс: все, что обменивается в нем на «нацию», тем самым в нем примиряется как родственное. С другой стороны, всё в дискурсе, что не может быть «куплено» за этот концепт, подлежит исключению как «кровный враг». Другими словами, в концепте как значимой идиоме сращены воедино элементы политического языка (дискурса), обменные акты политического рынка и стратегии (интересы) политических акторов. Поэтому политический концепт как идиому не следует путать с обычной речевой идиомой, которой занимаются лингвисты, и которую они часто выдают за политические концепты.

Но, как и любое фразеологическое сращение естественного языка, политический концепт как «значимая идиома» тоже семантически неделим. Это значит, что его смысл невозможно вывести из включённых в него языковых единиц либо из представленных в нем политических интересов. Смысл идиомы может быть декодирован только когда политические акторы, преследующие определённые интересы, вступают друг с другом в «торговлю позициями» и артикулируют эту ситуацию в определённых концептах.

Посредством упомянутых политических фигур мы конкретизируем введённое нами ранее определение концепта как «значимой идиомы». Политические фигуры выступают в роли структурирующего принципа этой идиомы, определяя очертания сращения в ней дискурсивных элементов.

Заметим, что концепт как «значимая идиома» всегда существует в *системе* концептов, или «нациосфере». На самом низовом (архаическом) уровне взаимодействие концептов внутри этой сферы реализуется посредством операций инклюзии (включения) и эксклюзии (исключения). Эти термины мы используем по аналогии с лингвистикой, но не в тождественном с нею смысле. Концептная *инклюзия* — это вид дискурсивных отношений, при котором смысловое содержание одного концепта включает характеристики, присущие другому концепту, как номинально родственные. Напротив, в случае концептной *эксклюзии* смысловые характеристики одного концепта исключаются из содержания другого концепта как номинально чуждые. Существенно, что обе операции имеют дело с номинальным, а не реальным родством концептов. В этом выражается специфическая природа концептного отношения, в котором акт наречения сращивается с обменным актом в рамках политического рынка.

На чисто лексическом уровне концептная ин- и эксклюзия представлена как единство двух разнонаправленных процессов:

- превращение политической полемики в полисемию слов из политической лексики как «отпечаток антагонистического использования их различными группировками в прошлом и настоящем» [Бурдые 1993: 72].
- устранение внутри отдельного партийного дискурса элементов, несогласных с концептом (эксклюзия) и стигматизация их как «вражеских».

Но следует иметь в виду, что ин- и эксклюзия на уровне политических концептов не сводится только к семантике отдельных слов (терминов). В ней есть нечто от процессов социального включения и исключения, как их описывают социологи, антропологи, педагоги и др. При эксклюзии в партийно-политическом дискурсе речь идёт не столько о том, чтобы стигматизировать политического противника как просто Чужого, но чтобы «остранить» его дискурс как неполноценный — больной, преступный, варварский и т. п.

Операции инклюзии и эксклюзии концептов присущи — в той или иной мере — дискурсу любой партии, поскольку та находится в ситуации полемики со своими политическими конкурентами и врагами. Однако особое значение эти операции приобретают в условиях мнимого парламентаризма, где все партии, в принципе, маргинализированы. Поэтому они не могут вступать в полноценный диалог друг с другом. В этих условиях политический дискурс неизбежно деградирует до квазиархаических операций ин- и эксклюзии [Толпыгина 2008: 393–441]. Но больше всего данные операции касаются партии-изгоя, как мы покажем это далее, на примере «Яблока».

Резюмируем:

- Теоретико-методологический конструкт для анализа концепта нации в партийных дискурсах постсоветской России определяется функцией партийного дискурса в системе русской власти, состоящей из «интереса власти, переплетённой с собственностью и духовным господством» (В.П. Макаренко). Эта система обнаруживает существенное сходство с политической системой кайзеровской Германии. Особенно это важно в аспекте ведущей роли официального (правительственного) национализма, использующего протонациональные связи (государственный патриотизм) в качестве своего главного ресурса. Как и в современной России, в германском рейхе этот национализм конкурировал, с одной стороны, с гражданским национализмом эмансипаторных демократических движений, а с другой — с организованным этническим национализмом правых консерваторов и национал-социалистов.
- В сфере политических партий и движений постсоветская версия русской власти представлена как оппозиция «партии власти» и «партии без власти». Идея партии власти, восходящая к царскому генералу Д.Ф. Трепову, в действительности есть специфический феномен постсоветской России, созданный под патронажем правящей политической группировки с целью трансляции её интересов в парламентских и иных учреждениях (институтах) публичной политики. Партия власти не является «правящей», поскольку не имеет возможности самостоятельно (без воли патрона) формировать правительство после победы на выборах, хотя формально она не выступает частью госаппарата, как в эпоху КПСС.
- Система мнимого постсоветского парламентаризма задаёт имитационную партийную структуру, в которой «партии власти» с необходимостью бинарного отношения дополняется «партией без власти». К этой партии относятся акторы системной оппозиции, объединённые с партией власти консервативным консенсусом, но играющие роль оппозиции в «театре» публичной политики. Идеологические различия между членами «партии без власти» носят не принципиальный, а декоративный характер.
- Присущий концептологическому подходу принцип дистанции означает не прямой анализ теоретических конструкций политических идеологий, но паттерны дискурсивной игры партий с концептами своих идеологий. Этот квази-драматургический подход позволяет определить набор политических фигур, по аналогии с «социальными характеристиками» А. Макинтайра. Эти фигуры идеально-типическим образом описывают дискурсивное поведение «партии власти» и «партии без власти». Фигура Начальника концептуально дополняет понятие партии власти в контексте теории русской власти, тогда как фигуры Самозванца, Шута и Изгоя описывают дискурсивное поведение политических акторов, составляющих «партию без власти».

Для политической концептологии нация и национализм — это не столько комплекс каких-то идей и теорий, сколько «политическое применение символа нации при помощи дискурса и политической деятельности» (К. Вердери). Анализ политического дискурса более адекватно описывает поведение политических партий, чем анализ их идеологии. Анализ «нации» как политического концепта предполагает рассмотрение борьбы политических акторов, в контексте которой «нация» становится «значимой идиомой», обмениваемой подобно деньгам, на семантически родственные ей концепты. Смысл концепта нации определяется контекстом межгрупповой (межпартийной) борьбы, в ходе которой главным оказывается не столько присвоение права использования этого концепта, сколько негласное присвоение права его *определения*. Взаимодействие концептов внутри нациосферы реализуется посредством дискурсивных операций инклюзии (включения) и эксклюзии (исключения). Эти операции имеют особое значение в условиях мнимого парламентаризма, где все партии маргинализированы, но прежде всего — партии-изгои.

Эволюция концепта нации в дискурсе российской «партии власти»

Выражение «партия власти» вошло в журналистский обиход в 1993–1994 гг., но почти одновременно стало и предметом интереса для политологов. Одну из первых попыток систематического научного осмысления этого феномена предприняли российские политологи Г. Голосов и А. Лихтенштейн [Голосов 2001: 6–14]. Рассматривая в качестве основных эмпирических референтов концепта «партия власти» избирательный блок «Выбор России» (1993 г.), а также движения «Наш дом — Россия» (1995 г.) и «Единство» (1999 г.), упомянутые авторы пытаются определить специфику данного феномена, а также проследить логику (рациональную стратегию), толкающую правящую элиту России к его созданию.

Заметим, что в научной литературе нет единого мнения относительно того, какие именно партии — за двадцатилетнюю историю постсоветского парламентаризма — выполняли функцию «партии власти». Помимо названных выше, к таковым относят и крупные региональные партии 90-х годов (вроде партии «Преображение Урала»). С другой стороны, высказывалось мнение, что некорректно считать избирательный блок «Выбор России» (позднее партию «Демократический выбор России») и «Партию Российского Единства и Согласия» (ПРЕС), образовавшиеся накануне думских выборов 1993 года, как первые в современной истории страны «партии власти» [Рябов 2005].

По нашему мнению, ответ на данный вопрос значительно упрощается, если различать «партию власти» как *идеально-типическую конструкцию* и отдельные реальные партии, которые в той или иной мере (но никогда вполне) отвечают данному идеальному типу.

При характеристике «партии власти» как *идеально-типического проявления русской власти* надо, прежде всего, зафиксировать главную функцию этой партии: служить парламентским инструментом обеспечения власти-собственности правящей элиты. Для реализации этой функции партия власти решает, как минимум, следующие задачи: 1) служит в Думе безусловным проводником (рупором) интересов исполнительной власти, оказывает ей безоговорочную поддержку при отказе от проведения собственной политики; 2) противостоит на электоральном поле «другим партиям, которые представляют иные, отличные от властных элит, сегменты общества» [Хенкин 1997: 34]; 3) консолидирует партийно-политические и административные элиты вокруг правительственного курса, причём членство в партии власти одновременно выступает символическим проявлением общей лояльности режиму; 4) есть «способ сохранения многопартийных выборов при одновременном фактическом свёртывании конкурентности во всех сферах политики» [Рябов 2005].

Концепт «партии власти» следует отличать не только от концепта «правящей партии», но и от «доминирующей» партии в смысле Индийского национального конгресса или Либерально-демократической партии Японии⁶. Доминантные партии такого рода выполняют, как минимум, три важных политических функции: выступают одним из главных центров принятия политических решений; служат местом согласования интересов между различными группами как властной элиты, так и гражданского населения; являются субъектом национальной модернизации. В России же «партия власти» пока что оставалась не столько партией национальной модернизации, сколько главным инициатором усиления консервативных тенденций

⁶ Мы рассматриваем феномен «партии власти» как специфическую отечественную разновидность «доминирующей партии» в том широком смысле этого термина, который подразумевается у М. Дюверже [Дюверже 2000: 502]. Правда, такая трактовка не является единственной в научной литературе. К примеру, отечественный политолог Я. Гельман, наоборот, сближает понятие «доминирующей партии» со статусом российской «партии власти». В качестве «доминирующей» он рассматривает партию, которая создана лидерами недемократического режима и тесно с ними связана, сращена с государственным аппаратом и пользуется ресурсами государства для поддержания своего доминирования, а также обладает возможностями контроля политического процесса в ходе и за пределами выборов [Гельман 2006: 46–58].

во всех сферах жизни общества. Она стала «партией status quo в смысле ориентации на укрепление доминирующего положения нынешней российской элиты в обществе» [Рябов 2005].

Рассмотренный статус партии власти определяет и специфику её дискурса. Многие авторы отмечают его идеологическую всеядность, нечёткость и двусмысленность. По верному замечанию А. Кынева [Кынев 2013], идеологическая рыхлость партии власти вынуждает её создавать внутри себя различные «клубы» (Центр социально-консервативной политики, клуб «4 ноября», Государственно-патриотический клуб) и «платформы» (либеральная, социальная и патриотическая платформы) [«Единая Россия». Официальный сайт партии].

Отмеченная идеологическая бессвязность партии власти объясняется несовместимостью её номинальных и реальных функций: с одной стороны, эта партия должна служить приводным ремнём между правящей элитой и массами. В этом смысле партия должна аккумулировать настроения населения, «идеологически» его выражать и претворять в политические решения. Но, с другой стороны, партия есть де-факто собрание бюрократов с очень разными идеологическими пристрастиями. Речь идёт о многочисленных гибридах, по преимуществу, правых идей: либеральных или консервативных. Однако партия время от времени использует и социал-демократическую риторику. Особенно в случае обсуждения проблем социальной политики. Но это не мешает представителям этой же партии развивать откровенно правый дискурс, наспигованный геополитическими спекуляциями и ксенофобскими аллюзиями.

Эти характеристики дискурса партии власти и выражает как раз предложенная выше фигура Начальника.

Важное место в дискурсе Начальника играют парадоксы и абсурды, потому что этот дискурс, во-первых, несамостоятелен (он светит отражённым светом воли президентской администрации); во-вторых, этот дискурс автореферентен, то есть, соотносится только с самим собой, не размыкаясь на диалог с гражданами и с оппозицией⁷ и действуя в «псевдологическом пространстве» [Коротец, Никулина 2007: 70]. Начальнику не надо советоваться со своими подданными, чтобы принимать какие-то решения относительно их будущего. В идеале Начальник может сказать своим подданным: «Даже в вашей поддержке я не нуждаюсь, вы — лишь предметы моих действий, которые сами себя легитимируют» [Макаренко 1998: 438].

Однако партия власти существенно меньше, чем партия без власти, испытывают потребность в риторических победах. Неслучайно никто из трех президентов постсоветской России, опиравшихся на партию власти, не участвовал в публичных дебатах со своими конкурентами в период предвыборной кампании. Победа представителей партии власти обеспечивалась, прежде всего, административно-политическим ресурсом, располагавшимся как бы параллельно партийной системе. В силу этого методологическая ценность фигуры Начальника для анализа концепта нации в дискурсе партии власти оказывается существенно меньшей, чем в случае анализа дискурсов партий без власти в их роли «вечной системной оппозиции». Соответственно, место и эволюция концепта нации в дискурсе партии власти объясняется в первую очередь не этой политической фигурой, а непосредственно функциями партии власти в системе русской власти.

С учётом этой общей специфики дискурса «партии власти» необходимо анализировать и присущий ей концепт «нации».

В Программе избирательного объединения «Выбор России», которая была принята на Учредительном съезде этого объединения в октябре 1993 года, представлен двойственный концепт «российской нации» (этот термин в Программе употребляется). С одной стороны, в духе гражданского концепта нации подчёркивается, что нацию следует понимать «не как эт-

⁷ Пример анализа такого рода общения в пространстве Государственной Думы см.: Поцелуев 2013: 230–236.

ническую общность, а как суверенное демократическое объединение граждан» [Избирательное объединение «Выбор России» 1993: 5]. С другой стороны, российская нация определяется двусмысленным образом как «уникальный сплав и взаимообогащение культур, укладов, традиций, опыта равноправных народов, составляющих ее» [Там же].

Но при всей этой двойственности, мешающей воедино перенниалистскую и модернистскую парадигму нации, акцент в Программе делается на принципе гражданской свободы, а не этничности: «Только соединение национальной идеи с идеей демократии, строительство сильного многонационального демократического государства способно сплотить россиян, заложить основы для формирования здорового, просвещённого патриотизма» [Там же]. Говорится также о необходимости «добиться соединения гарантий прав и свобод личности на всей территории России с гарантиями национально-культурных прав и свобод народов» [Там же].

Сходное понимание нации имело место и у ПРЕС Шахрая — ещё одной (помимо «Выбора России») партии, которая представляла тогдашнюю исполнительную власть и финансировалась через Газпром и крупные банки.

На Учредительном съезде партии «Демократический выбор России» 13 июня 1994 года, был выпущен программный документ, в котором политический блок «Выбор России», преобразовался в политическую партию «Демократический выбор России» (ДВР). Согласно этому документу, проблема этнических территорий — это проблема федеративного устройства государства. Внутри федерации должны существовать национально-культурные автономии, с правом на развитие своего языка и культуры. Однако де факто вместо национально-культурных автономий в России существуют национально-территориальные образования. Поэтому партия призывала закрепить принцип экстерриториальной национально-культурной автономии. Основным принципом национальной политики должен быть «культурный плюрализм — признание равной ценности культурного наследия всех народов России» [Программа партии «Демократический выбор России» 1994]. Стремление к плюрализму в этнической политике России объясняется доминированием в кругах тогдашней политической элиты (партии власти) западной теории мультикультурализма. В этом же духе партия понимала и концепт «многонационального народа», появившийся в Конституции РФ 1993 года [Конституция Российской Федерации 1993]. Сходным образом, в Предвыборной платформе ДВР 1995 года предполагалось дать равные возможности национальным меньшинствам, включая «русский народ» [Программа партии «Демократический Выбор России» 1995] в ряде республик с преобладанием автохтонного населения.

Вместе с тем, реальный парламентский дискурс «демократов» обнаруживает первые признаки дрейфа концепта «гражданской нации россиян» в сторону, с одной стороны, государственно-бюрократического концепта нации, свойственного официальному национализму империй, а с другой — в сторону русского этнического национализма.

К примеру, депутат от «Выбора России» М. Молостов, высказываясь в Думе по поводу подписания документа о «национальном согласии», утверждал, что если российское государство будет сильно таким документом, «тогда можно надеяться, что толковые *русские люди* в союзе с *иноплеменными гражданами* России сами вытянут этот тяжёлый воз» [Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 11 марта 1994]. Ещё одним подтверждением того, что традиции русского официального (бюрократического) национализма остались живы и после власти советов, могут служить выступления К. Затулина в Государственной Думе. Он неоднократно утверждал, что внешняя политика со странами СНГ — это не внешняя, а внутренняя политика современной России, и только Россия вправе наводить порядок на территориях стран СНГ [Там же]. Обращаясь к своим оппонентам в Думе, российский политики заметил, что «...если вы думаете, что не взаимосвязаны проблемы поведения крымских татар в Крыму... и проблемы договора с Татарстаном, то вы ошибаетесь» [Там же].

В этом можно усмотреть то «имперское» понимание «российского» и «российских интересов», аналог которого даёт немецкое слово «рейх» (Reich). В Германии этот концепт включал в себя ассоциации с традициями Священной Римской империи, где под крышей немецкой аристократии вместе проживали самые разные народы и религии. К аналогичному опыту царской империи и советского государства неявно отсылает и современный концепт «Россия». Поэтому соответствующие намёки в речи К. Затулина не являются случайностью, но выражают сложную идеологию официального национализма нынешней «партии власти»⁸.

Эти примеры показывают, что даже первые версии «партии власти» в лице ДВР и ПРЕС, вопреки их либерально-демократическим и прозападным тезисам, вплетали в свой концепт российской нации мотивы «официального», имперско-бюрократического национализма в смысле Б. Андерсона и В.П. Макаренко. Причём потенциал государственного патриотизма уже в случае этих, самых либеральных из всех имевшихся до сих пор версий партии власти, играл очень важную роль.

Прежде всего, патриотизм есть опыт позитивного отношения к исторической памяти своего народа. Так, депутат В. Никонов из партии «ПРЕС», выступая на заседании Государственной Думы в марте 1994 года, указывал на недопустимость отмены курса отечественной истории в общеобразовательной школе⁹. Такая отмена, говорил депутат, приведёт к тому, что мы станем «Иванами, не помнящими родства» [Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 1994]. Схожая точка зрения на важность в образовании истории как предмета, высказывалась Э. Смитом, который указывал, что одними из главных вдохновителей национальной идеологии являются историки [Смит 2004: 236].

О важности истории, как основного элемента в создании коллективного «я» высказывался также Б. Андерсон¹⁰. История нам не только напоминает о трагедии и героическом времени, но и предлагает забыть то, что может разрушить коллективное имя. «Мы» молчим о миллионе граждан СССР, воевавших в вооружённых формированиях Германии в период второй мировой войны. «Мы» умалчиваем о генералах вермахта А. Шкуро и П. Краснове, вспоминая только «казацких генералов» А. Шкуро и П. Краснова. История не только предлагает открыть дверь в прошлое, узнать «откуда есть пошла Руськая земля», но и даёт возможность закрыть дверь, предостерегая нас от чудовищного прошлого. Закрытая дверь истории даёт возможность забыть о трагедии, которая губила граждан России и СССР в братоубийственных войнах. Забвение братоубийственных войн есть одно из главных условий существования нации, «всякий французский гражданин должно быть позабыл ночь Св. Варфоломея» [Ренан 1902], пишет Э. Ренан в эссе «Что такое нация?». Забвение и желание жить вместе — вот главное условие существования нации, утверждал французский историк.

Роль патриотизма как идейно-когнитивного ресурса для официального национализма напрямую связана с толкованием терминов «отечество» и «соотечественники». К примеру, в

⁸ Впрочем, неоимперская позиция Затулина не нашла понимания у его однопартийцев по фракции ПРЕС (как сегмента партии власти). В ноябре 1994 года лидер этой партии С. Шахрай добился от фракции решения об отзыве Затулина с поста председателя думского Комитета по делам СНГ — из-за «несовместимости его позиции с политической линией ПРЕС». Впрочем, сместить Затулина с думского поста Шахраю не удалось, как и не удалось исключить его из рядов партии власти. Уже в 1998 г. Затулин стал одним из учредителей «Отечества», а с декабря 2001 г., после объединения этой организации с движением «Единство», стал членом Центрального политического совета партии «Единая Россия».

⁹ Министерством образования, по распоряжению тогдашнего заместителя министра образования А. Асмолова, было предложено в качестве эксперимента, отменить в ряде школ в 1994 году, а с 1995 года отменить повсеместно, изучение отечественной истории. Взамен министерством образования был предложен курс «Россия и мир».

¹⁰ В работе «Воображаемые сообщества» Б. Андерсон пишет: «Учебники английской истории предлагают вниманию сбивающее с толку зрелище великого Отца-основателя, которого каждого школьника учат называть Вильгельмом Завоевателем». Правда, кого и что он завоевал — об этом английские учебники истории умалчивают. В противном случае, — иронично замечает британский историк, — это «превратило бы старого нормандского хищника во всего лишь более удачливого предшественника Наполеона и Гитлера» [Андерсон 2001: 102]

дискурсе упомянутого выше депутата Затулина выделяются два подхода в определении термина «соотечественники», и эта двойственность типична для партийно-политического дискурса постсоветской России. Согласно первому подходу, соотечественниками считаются все граждане Российской Федерации, включая тех, кто живёт и работает за границей, а также лица с двойным гражданством. Второй подход предусматривает, что «соотечественники» — это люди «русской, советской культуры, разбросанные по всему миру и не имеющие обязательного намерения репатрироваться, иметь или просить гражданство Российской Федерации. Это российская диаспора» [Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания от 11 ноября 1994].

Однако такое понимание соотечественников рождает некоторые вопросы. Можно ли, к примеру, причислять к «соотечественникам» этнических евреев, уехавших на постоянное жительство в Израиль, или этнических немцев, репатрировавшихся в Германию? Ведь они тоже были приобщены к русской (советской) культуре. Но какой тогда смысл имеют выражения «русский еврей» или «русский немец»?

Этот вопрос неспроста, потому что он касается политического смысла терминов «соотечественник», «отечество», «родина» и т. п. О. Данн показывает, какие семантические войны в свое время велись в Германии вокруг смысла слова «отечество» и «отечественный». Как и «немецкий народ», термин «отечество» (Vaterland) понималось, прежде всего, в старом имперском смысле. Его хорошо выразила «Песня об отечестве» Эрнста М. Арндта с её идеей, что немецкое отечество находится повсюду, где «звучит немецкая речь». Но ничего агрессивного в такой трактовке немецкого «отечества» тогда ещё не было, как и в известной строфе «Песни немцев», написанной ещё в 1841 году Г. фон Фаллерслебеном — «Германия превыше всего». Зловещий смысл этим фразам придал позднее организованный немецкий этнонационализм. В частности, в ходе первой мировой войны он оккупировал слово «отечество», создав в 1917 году, на волне массового военного патриотизма, так называемую «Германскую отечественную партию». Эта партия стремилась объединить в своих рядах «самые широкие круги патриотически настроенных соотечественников», причём с конечной целью «расового оздоровления немецкого народа». В ответ либерально-демократические силы Германии основали осенью 1917 г. «Народный союз за свободу и отечество», а ещё раньше (в 1914 г.) немецкие пацифисты основали «Союз Новое отечество». Обе организации противопоставили расизму и антисемитизму немецких ультраправых принципы мирного сосуществования наций, гражданского равноправия и свободы. О. Данн назвал это «попыткой отобрать у националистического лагеря узурпированное ими в единоличную собственность понятие „отечество“» [Данн 2000: 227].

В русской политической культуре слово «отечество» тоже выступает предметом жёсткой политической конкуренции. В свое время и царская власть («За Веру, Царя и Отечество!») и большевики («Социалистическое Отечество в опасности!») широко использовали этот термин. Опыт двух отечественных войн сделал концепт «отечество» крайне важным для становления национальной идентичности. Неслучайно поэтому термин «отечество» и близкий ему по смыслу «родина» нашёл отражение в названиях многих политических партий постсоветской России. Помимо канувших в Лету «Отечества» и (старой) «Родины», после нового закона о партиях появились карликовые партии, широко эксплуатирующие эти термины: «Защитники Отечества», «Партия Великое Отечество», «Всероссийская социалистическая народная партия «Отчизна»», «Российская консервативная партия «За нашу Родину», (новая) «Родина». Причём заметим, что идеологический вектор всех этих партий — сугубо консервативный, с левыми или правыми оттенками.

Если в программе «Выбора России» вопросам «нового федерализма, региональной и национальной политики» был посвящён специальный раздел, то программа следующей версии партии власти, Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом — Россия», обнаруживает заметное охлаждение интереса к национальному вопросу. Выполненная

в пафосном стиле эпохи «развитого социализма», эта программа лишь обещает «укрепить Федерацию в интересах всего многонационального народа России» [Предвыборная платформа Всероссийского общественно — политического движения «Наш дом — Россия» 1995]. Это объясняется, по-видимому, общей несущественностью идеологии для партийного проекта «Наш дом — Россия», который был создан искусственно и для решения одной конкретной политической задачи — поддержки Б. Ельцина на президентских выборах 1996 года.

Именно этой идеологической индифферентностью объясняется и неразличимость в дискурсе «Нашего дома — России» понятий этнического и гражданского понимания нации. В её партийной программе, к примеру, речь идёт о «возрождении русской нации и национального самосознания всех россиян» [Там же: 8]. Политолог И.М. Брудный — вполне в духе упомянутой выше концепции «русской власти» — объясняет это государственнической идентификацией, выражающейся в акцентировании российской властью связи посткоммунистической России с её имперским прошлым [Брудный 2002: 99]. Таким образом, в программных документах «Нашего дома — России» также прослеживается тенденция в сторону официального национализма с его государственническим (державным) концептом нации. В период 1999 года, накануне выборов, в партийной риторике заговорили об «историческом консерватизме» [Программа Общественно-политического движения «Наш дом — Россия» 1999] народа России, о стремлении «многонационального народа» сплотиться в трудный час для преодоления испытаний. По всей видимости, эта риторика стала предтечей того, что впоследствии В. Путин назвал «духовными скрепами» нации. Именно в программном документе партии «Наш Дом — Россия» был провозглашён принцип консерватизма в политике и принцип либерализма в экономике.

Существенно большее внимание национальной теме уделяла весьма солидная (по объёму и концептуальной проработке) программа Общероссийской политической общественной организации «Отечество» под руководством Ю.М. Лужкова. На сайте партии отмечалось, что она отвергла попытки «направить её на опасный путь национализма (Д. Рогозин)» [Общероссийская политическая общественная организация «Отечество»]. Вместо этого, правда, в качестве «национальной идеи» был сформулирован двусмысленный принцип «совместимость личной свободы и сильной власти». Во всяком случае, программа «Отечества» заявляла, что национальное единство относится к нерешённым проблемам национального развития. Примечательно также, что помимо известного термина «многонациональный народ Российской Федерации» в программе употреблялось выражение «*российская многонациональность* в условиях единого государства как *уникальное порождение мировой цивилизации*» [Там же].

Концепт российской нации в дискурсе «Отечества» был ещё более противоречив, чем в программных документах ДВР и «Нашего дома — России». С одной стороны, в духе гражданского концепта нации там утверждалась «высочайшая ценность каждого народа» и необходимость «обеспечения конституционного равноправия всех субъектов РФ независимо от того, являются ли они территориальными или национально-территориальными формированиями». С другой стороны, в стиле перенниализма подчёркивалась «особая ответственность за судьбы страны русского народа, который сыграл особую роль в объединении российских народов, развитии государственности, создании особого климата дружбы и сотрудничества многонационального народа Российской Федерации» [Там же]. Далее, с одной стороны, отвергалась «республиканизация» России; с другой стороны, тут же признавалось неизбежным сохранение в российском федерализме национально-территориального принципа» [Там же].

Эта двусмысленность концепта российской нации была характерна и для двух других версий партии власти конца 1990-х и начала 2000-х годов — Межрегионального общественно-политического движения «Вся Россия» и Межрегиональное движение «Единство» («Медведь»). В целом, партийные проекты 90 годов, которые представляли бюрократическую элиту страны, были конкурирующими проектами. Это давало возможность парламенту быть местом для дискуссий. Даже внутри партийных проектов существовали противоположные

точки зрения. Примером может служить партия «ПРЕС», которую возглавлял С. Шахрай. Его постоянные споры с однопартийцем К. Затулиным — яркий пример внутривнутрипартийных «столкновений». Противоположные точки зрения внутри «партий власти» в выборе политической модели развития страны давали возможность для дискуссии как внутри парламента, так и за его пределами.

Однако в начале 2000 годов произошли кардинальные перемены в партийном строительстве и в партийно-политическом дискурсе. Вместо нескольких конкурирующих «партий власти» была создана одна «партия власти» — партия «Единая Россия». Устами кремлёвского идеолога В. Суркова бюрократической элите России было сделано предложение, от которого она не смогла отказаться: «забыть, что вы правые или левые, «красные директора» или региональные элиты; вы — «партия общенациональная» [Сурков 2006]. Это высказывание В. Суркова очень похоже на тезис немецкого пандвижения XIX века: «Забудьте, что вы либералы и консерваторы; немецкая нация — вот то место, где могут объединиться все партии» [Арендт 1996: 235]. В современных российских реалиях тезис, выдвинутый В. Сурковым, предполагал объединения вокруг партии. Можно с уверенностью сказать, что данный тезис является лозунгом российского пандвижения бюрократии, и он вполне может звучать так: «Бюрократы всей страны, объединяйтесь!». Это в точности соответствует, упомянутому выше, понятию «бюрократического национализма», как проявлению системы «русской власти».

Думские выборы 7 декабря 2003 года стали «рубиконом» российского постсоветского парламентаризма, когда Дума «перестала быть местом для дискуссий»¹¹. Новый этап в эволюции партии власти сделал резкой дискурсивную границу между «партией власти» и «партией без власти»¹². И подобно тому, как на полюсе партии власти несколько её версий слились в «Единую Россию», так и на полюсе «партии без власти» обозначились интегративные тенденции. Рост государственных, консервативных настроений сделал и без того игровые различия между идеологиями партий системной оппозиции все более театральными. «Самозванцы», «шуты» и «изгои» партийного царства все более обнаруживали свою маргинальную общность на сцене мнимого парламентаризма.

На общественном уровне это выразилось, прежде всего, в медийной сфере, откуда исчезли не подлежащие государственной цензуре политические ток-шоу и политическая сатира на первых лиц государства. Примечательным был и тот факт, что в период существования Государственной Думы первого созыва не отключали микрофоны у выступающих депутатов. В период работы Думы второго и третьего созывов микрофоны, для поддержания регламента, стали, правда, отключать, но председатель Думы ещё просил техническую службу включить микрофон, чтобы выступающий мог закончить свою мысль. В Думе же четвёртого созыва, с получением «Единой Россией» конституционного большинства в парламенте, такой возможности депутатов вообще лишили¹³. Фактический публичный образ партии власти стал максимально приближен к идеально-типической фигуре Начальника, которому не следует вести

¹¹ В течение работы Государственной Думы трёх созывов существовала практика, когда лидеры фракций входили в совет Государственной Думы. Но 23 декабря 2003 года была внесена поправка, что в совет Государственной Думы отныне не будут входить лидеры фракций, а совет будет состоять из председателя Государственной Думы и его заместителей. В связи с этой явной бюрократизацией работы парламента депутат от КПРФ Е. Драпеко задала вопрос руководителю фракции «Единая Россия» Б. Грызлову, который был выдвинут председателем Государственной Думы: «И как же тогда мы с вами будем осуществлять внутривнутриполитический диалог между фракциями, в каком институте Государственной Думы?». Ответом Б. Грызлова были следующие слова: «Мне кажется, что Государственная Дума — это не та площадка, где надо проводить политические баталии, отстаивать какие-то политические лозунги и идеологии, это та площадка, где должны заниматься конструктивной, эффективной законодательной деятельностью». Со временем данная цитата перефразировалась в знаменитое высказывание «Парламент — это не место для дискуссий» [Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания от 23 декабря 2003].

¹² По словам В.Я. Гельмана, «российская партийная политика в 2000-е годы развивалась под влиянием двух взаимосвязанных тенденций: нарастающего доминирования „партии власти“ в Центре и регионах и продолжающегося упадка (если не полного вымирания) оппозиции всех направлений» [Гельман 2008: 136].

дискуссии и диалоги со своими подданными; ему подобает лишь отдавать приказы или разыгрывать псевдиалоги.

Отечественный политический лингвист О.А. Толпыгина отмечает в своей статье, посвящённой специальному анализу концепта нации в программных документах «Единой России», что в период своего возникновения и становления партию — если судить по её программным документам 2003–2006 годов — интересовали только проблемы экономической модернизации страны и политико-правовые условия этой модернизации. Тогда как «поиски „национальной идеи“, а также проблематика национального строительства в целом, были вынесены за скобки в силу их очевидной идеологичности» [Толпыгина 2008]. Но ситуация начинает резко меняться с 2007 года, когда партия власти осознаёт необходимость формирования политической нации как идеологического средства для укрепления своей легитимности.

Нельзя сказать, что раньше власть об этом не задумывалась. Ещё в 1996 году президент Б. Ельцин поставил задачу перед своими помощниками (во главе с Г. Сатаровым) «разработать российскую национальную идею» [Независимая газета 1996]. Да и президент Путин в сентябре 2004 года, назвал «мобилизацию нации перед общей опасностью» главной политической задачей» [Путин 2004]. Президент Фонда эффективной политики, тогдашний идеологический рупор Кремля, Г. Павловский акцентировал эту национальную тему в выступлении Путина. Он заметил, что единственный путь формирования в России «политической системы, в которой участвовали бы реальные группы интересов» — это «укреплять способность жителей Земли Русской быть российской политической нацией» [Павловский 2004]. В обзоре Информационно-аналитического центра «Сова» интервью с Г. Павловским названо «программным материалом о создании „российской нации“, т. е. документом, в котором этот концепт впервые переносится с периферии отечественной политической мысли в центр её внимания» [ПОЛИТ.РУ 2004].

Первоначально партия власти ориентировалась на гражданский концепт российской нации, в котором акцентировалось равноправие субъектов политического процесса. В своей Предвыборной программе 2007 года «Единая Россия» называла в числе своих приоритетов «утверждение общероссийской гражданской идентичности, формирование общей системы духовно-нравственных ориентиров при сохранении культурной самобытности народов России, развитии национальных языков, обычаев и традиций» [Российская газета 2007]. Однако этот гражданский концепт нации реализуется в программном дискурсе «Единой России» ещё более противоречивым образом, чем в предшествующих ей версиях партии власти.

О.А. Толпыгина хорошо показывает это на основе дискурс-анализа программных документов «Единой России» периода 2007–2009 годов. Российский политолог отмечает, что в этих документах среди способов формирования гражданской национальной идентичности фигурируют лишь этно-культурные (цивилизационные) ресурсы, а вот понимание значимости собственно политических механизмов отсутствует [Толпыгина 2010: 118–133]. А ведь нация с её гражданским равноправием создаётся через непрерывный диалог власти и граждан, через представительство во власти различных групп и интересов.

Таким образом, в программном дискурсе единороссов «заявленная общегражданская модель лишается своего «гражданского» наполнения» [Там же].

Эта непоследовательность и абсурдность концепта нации в программных документах «Единой России» адекватно описывается упомянутой выше фигурой Начальника как порождением системы «русской власти». Начальник не рассматривает граждан, партии, социальные институты и т. д. в качестве партнёров по диалогу. Поэтому неизбежно в качестве главно-

¹³ С тех пор каждое заседание парламента отмечено своеобразным «затыканием ртов». Так, например, на заседании Государственной Думы от 5 августа 2004 года депутатам, в общей сложности, отключали микрофоны 18 раз. При этом депутатам от фракции ЛДПР досрочно прекращали выступление 5 раз, депутатам от КПРФ — 6 раз, депутатам от партии «Родина» — 3 раза, и только один раз был отключён микрофон у представителя партии «Единая Россия» [Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания от 5 августа 2004].

го средства строительства якобы «гражданской» нации остаётся государственная бюрократия. А продуктом такого рода строительства может быть только государственная (державная, имперская) нация, которая, правда, чисто вербально выдаётся за нацию гражданскую. И эта подмена понятий — один из ключевых моментов национального дискурса партии власти.

Причём речь идёт не только о подмене гражданского концепта «российской нации» её государственным концептом; имеет место далеко идущий процесс подмены модернистской парадигмы нации парадигмой перенниалистской, если не примордиалистской.

О.А. Толпыгина фиксирует это в программном дискурсе единороссов в упомянутый период 2006–2009 годов. Уже там, в качестве основы формирования российской национальной идентичности выступают извечные культурные ценности: «*традиции российской цивилизации*», «*пример предков, создавших великую державу*» и т. д. Причём российский политолог фиксировала существенный рост этно-культурной терминологии в программном заявлении «Единой России» 2009 г. по сравнению с предвыборной программой партии 2007 г. [Там же]. Усиление этно-культурной составляющей О.А. Толпыгина обоснованно, на наш взгляд, связывала с новым идеологическим курсом единороссов, так называемым «новым консерватизмом» [«Единая Россия» 2009]. В дальнейшем этот рост продолжился в сторону имперской модели российской нации.

Поскольку термин «империя» не является «политкорректным» для официального политического дискурса современной России, его отсутствие в программных документах партии власти не может служить маркером отсутствия в них соответствующего концепта. В этом как раз и заключается отличие нашего подхода от подхода лингвистов, пусть даже и «политических». Имперский смысл концепта российской нации в дискурсе «Единой России» присутствует в её программных документах как *неназванный* концепт, который реконструируется по его семантической карте. Вслед за В.П. Макаренко¹⁴, О.Ю. Малиновой [Малинова 2004: 34] и О.А. Толпыгиной [Толпыгина 2010] мы выделяем следующие смысловые характеристики концепта империи:

- Империи имеют многосоставной характер, то есть включают в свой состав множество «разнокультурных земель».
- Эти земли включаются в империю не просто силой оружия, но ради реализации какой-то «универсальной объединяющей идеи» как некоего глобального цивилизационного (мессианского) проекта.
- Реализация этого проекта обеспечивает растущее влияние империи (как «великой державы») на международной арене, оправдывая её стремление подчинить этому влиянию другие государства, причём в наше время, как правило, без формальной утраты последними своего суверенитета.
- Реальным организатором осуществления имперского проекта выступает мощная бюрократическая машина, которая выстраивает сложную вертикаль власти.
- Неизбежным результатом функционирования этой вертикали является резкое различие между центром (столицей) и периферией (провинцией), отношения между которыми носят асимметричный, неравноправный характер. В этом заключено принципиальное отличие имперской «вертикали власти» от федеративной структуры государства-нации.

С учётом этих смысловых маркеров концепта нации, О.А. Толпыгина не только фиксирует его релевантность для программных документов «Единой России» 2007–2009 годов. Причём в модели национальной идентичности, которую развивают в этот период единороссы, «этно-культурная и имперская составляющая не только не противоречат друг другу, но

¹⁴ В.П. Макаренко считает госаппарат Российской империи, Советского государства и Российской Федерации наиболее адекватной моделью для конкретизации главных категорий теории бюрократии. [Макаренко 2013: 150].

сосуществуют и взаимодополняют друг друга, т. к. имперская особость определяется через этно-культурный, культурно-исторический фактор» [Там же].

Можно возражать по поводу применения термина «имперская нация» к «партии власти», этот вопрос является в научной литературе дискуссионным. Однако в подтверждение того, что Россия является империей, сошлёмся на статью В. Путина: «Историческая Россия — не этническое государство и не американский «плавильный котёл», где, в общем-то, все, так или иначе — мигранты. Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство. Государство, в котором постоянно шёл процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне. Сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими» [Путин 20012]. Российская Федерация как государственное образование постоянно позиционирует себя как государство, включающее в себя сотни народов и этносов, но при этом слово империя не употребляется. Взамен этому раздражающему слову был найден новый термин — «государство-цивилизация». В основе «государства-цивилизации» лежат три параметра, которые соответствуют упомянутым выше семантическим маркерам концепта империи:

- Россия формировалась как исторический проект союза народов, а не как «гражданская нация». Основой проекта являются русские.
- Россия является гарантом стабильности на постсоветском пространстве, формирует локальную международную систему, внутри которой Россия выступает легитимизирующим центром. Россия, будучи частью международной политической системы, в тоже время независима от международных институтов.
- Россия не является сторонницей идеалов Французской революции и не признаёт верховенство её принципов. Россия есть локальная цивилизация, «она является локальной цивилизацией с собственными культурно-географическими константами» [Ремизов].

Как и всякая империя, «государство-цивилизация» стремится расширить свои границы, «куда бы Украина ни шла, мы всё равно когда-то встретимся. Потому что мы — один народ» [Путин 2013]. Тезис, что мы один народ, мотивируется утверждениями что «у нас общая Днепровская Киевская купель» [Там же], схожая культура и язык, общая религия. Похожими мотивами о единстве народа, об общей истории, языке, культуре руководствовались О. Бисмарк и А. Гитлер, когда собирали немецкие земли во Второй и Третий Рейх.

В любом случае, в государстве-цивилизации речь идёт о строительстве имперской, а не собственно гражданской нации. В духе такой же логики «философ и политолог» М. Ремизов выдвигает тезис о преемственности Российской Федерации по отношению к Советскому Союзу, Российской Империи [Ремизов 2005]. Новая российская государственность должна стать «государством-цивилизацией». Являясь преемницей более ранних форм государственности, «государство-цивилизация» должна поглотить государства, не имеющие государствообразующей общности и исторической преемственности.

Вхождение в политическую элиту «русской власти» автоматически предполагает включение в партийный список «партии власти». Объединение на основе общих бюрократических интересов, таких как удержание власти. В этой ситуации «партия власти» становится по своему содержанию «нацией русской власти». Такое политическое объединение в европейской истории имеет название «имперской нации», политически объединивши немецкую аристократическую верхушку. Вот что пишет О. Данн: «Немецкая аристократическая верхушка, ставшая затем имперской нацией, ...объединилась на основе общности политических интересов. Она подтвердила свое единство, активно действуя как солидарное содружество в борьбе за свои общие интересы...» [Данн 2000: 36]. Российская бюрократия, по примеру аристократической верхушки Священной Римской империи немецкой нации, объединилась на основе общности политических интересов, подтверждая своё единство на выборах, отстаивая свои

общие интересы, такие как обладание экономической и политической властью. Как нация, «партия власти» имеет представительство в парламенте, как нация, она продемонстрировала единство в борьбе за свои общие интересы.

В предвыборной программе партии «Единая Россия», с которой она вышла на президентские выборы 2012 года, появляется целый раздел под названием «Развитие России как уникальной цивилизации» — в известном смысле аналог раздела из программы «Выбора России» 1993 года. Однако сопоставление этих разделов хорошо показывает, какую заметную эволюцию вправо проделала партия власти в национальном вопросе. В указанном разделе программы «Единой России» воспроизводится концепт «многонационального российского народа», но он толкуется традиционалистском ключе, как «уникальная цивилизация». Впрочем, не забывая и о своем либеральном крыле, партия ритуально упоминает в конце этого раздела своей программы «общероссийскую гражданскую идентичность» [Российская газета 2012].

Таким образом, в программах политических партий постсоветской России концепт «многонационального народа» соседствует с выражением «многонационального государства». Эти выражения можно считать маркерами определённых концепций нации. В случае «многонационального государства» речь идёт о гражданской нации, а в случае «многонационального народа» — о нации государственной или, лучше сказать, «державной».

В «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», принятой Указом Президента от 19.12.2012, один раз, правда, встречается термин «многонациональное российское государство», но основным и неоднократно употребляемым выступает выражение «многонациональный народ Российской Федерации (российская нация)» [Гарант. Информационно-правовой портал 2012].

В этом документе бросается в глаза отождествление — совершенно неприемлемое, по мнению большинства политологов, — национального с этническим. Соответственно, говорится о «многообразии национального (этнического) состава» населения России, о «позитивном векторе дальнейшего развития межнациональных отношений в Российской Федерации», о «гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений, совместного противодействия росту межнациональной напряжённости» [там же] и т. д.

Добавим к этому, что в проекте указанной «Стратегии ...», представленном соответствующей рабочей группой до его общественного обсуждения, даются определения базисных концептов национальной политики. Но эти определения по своему содержанию являются принципиально двусмысленными. В частности, «российская нация», она же «многонациональный народ Российской Федерации», определяется здесь как «сообщество граждан Российской Федерации разной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, осознающих свою гражданскую общность и политико-правовую связь с российским государством (согражданство)» [Azergos. Информационно-аналитический портал 2012]. Здесь же поясняется, что следует понимать под «общероссийской гражданской идентичностью»: «общее для граждан Российской Федерации осознание своего российского гражданства, принадлежности к российской нации» [Там же].

Заметим, что в определении «российской нации» упор делается исключительно на *гражданскую* общность, о *цивилизационной* общности в самой дефиниции речь не идёт. Правда, далее по тексту встречается и этот термин, причём в одном примечательном месте: «Цивилизационная идентичность России и российской нации, как гражданской общности, основана на сохранении *русской культурной доминанты*, носителями которой являются все народы Российской Федерации, сформированной не только этническими русскими, но и вобравшей в себя культуру всех народов России». Это место вызывает много вопросов, на которые трудно дать ответ: как *гражданская* общность может иметь *цивилизационную идентичность*? Как носителями *русской культурной доминанты* могут быть *все народы* России, не теряя при этом свою *нерусскую идентичность*?

В итоговом варианте «Стратегии...» этого места нет, однако понимание сути российской нации от этого не становится менее двусмысленным. Теперь в трактовке «многонационального народа Российской Федерации» акцент делается не на «гражданскую общность и политико-правовую связь», а на «единый культурный (цивилизационный) код». Хотя и здесь речь идёт о «формировании российской гражданской идентичности», однако эта идентичность уже не может конкурировать с цивилизационной природой «русской нации». Она сводится по сути к «общероссийскому гражданскому сознанию» как попутному эффекту главного (цивилизационного) признака «многонационального русского народа».

В проекте «Стратегии...» есть ещё одно характерное место, где речь идёт о русском народе, исторически ставшим «системообразующим ядром» России как «*многонародной* российской нации». Очевидно, что выражение «многонациональный народ» (или «многонародная нация») требует уточнения, чтобы не казаться двусмысленным и абсурдным. Как указывалось выше, термин «народ» может употребляться двояким образом: и как синоним народности (этноса), и как синоним «нации».

Вернёмся к термину «народ» в упомянутом выше конституционном выражении «многонациональный народ». Этот термин всегда был одним из наиболее многозначных и расплывчатых в политической лексике. Его точный смысл зависит от конкретного контекста политической борьбы, с её базисной оппозицией «друзья–враги». К примеру, когда в начале прошлого века в кайзеровской Германии произносили выражение «народная общность» (Volksgemeinschaft), оно могло обозначать очень разные вещи: политическое единение всех этнических немцев, независимо от территории их актуального проживания; население «Великой Германии» («Священной Римской империи немецкой нации»), приобщённое к соответствующей культурной традиции; нацию германского (кайзеровского) рейха (Reichsnation). Соответственно, само понятие «немецкого народа» стало объектом острой семантической войны, особенно, с началом мировой войны и череды социально-политических кризисов.

Аналогично обстоит сегодня дело и с концептами «русский народ» и «русский народ».

Для одних «русский народ» — это синоним русского народа, причём в понятие «русский» при этом могут включаться не только все этносы, живущие на территории РФ, но и «соотечественники» за рубежом. К такому же «мнению» склоняется, кстати, и английский язык, называющий термином *Russians* и русских, и нерусских граждан России, а иногда и жителей бывшего СССР. Среди столь широкой трактовки «русского» в отечественной традиции представлены как консервативные, так и либеральные авторы, выступавшие против «зоологического национализма», т. е. определения «русскости» по сугубо этническим (социобиологическим) признакам [Размолодин 2012: 200–20].

Близко к этой концепции государственной нации (но только без тезиса о русских как государствообразующем народе) стоит и концепт русской нации, представленный в Конституции. Здесь русский народ как «многонациональный народ» есть государственная нация, составленная из множества этносов (национальностей, народов).

Наконец, для этнических националистов на постсоветском пространстве «русского народа» как культурно-политической общности вообще не существует, зато есть народы: русский, татарский, чеченский и т. д. Но и для этнонационалистов важно оккупировать термин «Россия» именно своим смыслом. Примером этого может служить монополизация инициаторами «*русских* маршей» смыслового пространства официального *русского* праздника — Дня народного единства 4 ноября. Изначально неясный смысл этого праздника в рамках официального (русского) национализма был быстро «уточнён» русскими националистами. Попытки прокремлёвского молодёжного движения «Наши» «отвоевать» смысл праздника успехом не увенчались.

Заметим: речь идёт здесь не столько о *войне концептов*, сколько о войне за *концепт*, за право оснастить его определенным доминирующим смыслом. Речь может идти именно об

«узурпации» терминов — как это произошло в свое время в Германии с возникновением организованного этнического национализма немцев. В этом случае под «немецким народом» стала пониматься экстерриториальная, но политически мобилизованная этнокультурная общность немцев (Volkstum).

Со словом «многонациональный», как и с другими двусмысленными терминами вроде «народа», «родины», «отечества» и т. п., также связано немало языковых игр с манипулятивно-политическим подтекстом. На лукавую двусмысленность термина «национальность» указывал в свое время Ф. Энгельс. В работе «Какое дело рабочему классу до Польши?» он обвиняет Луи Наполеона Бонапарта в том, что тот использует «принцип национальностей» в своей экспансионистской внешней политике. «Каждая национальность должна быть вершителем собственной судьбы; ... — что могло быть более либеральным? Но, заметьте, — теперь уже речь шла не о *нациях*, а о *национальностях*» [Энгельс 1960: 160].

Принцип национальности Ф. Энгельс считал полнейшим абсурдом, созданным для того, «чтобы пустить пыль в глаза легковерным людям» [Там же: 160]. Этот принцип не проясняет, а лишь запутывает «великий вопрос о праве на национальное существование исторических народов Европы». Запутывает, потому что термин «национальность» смешивает в себе культурно-этнические и национально-политические характеристики сообществ. Формально-лингвистические основания для такого смешения имеются: раньше термин «нация» обозначал общность по этническому происхождению (латинским словом «*natio*» обозначали, например, землячества в средневековых университетах). Именно этот этнический смысл сохранился и в термине «национальность». Но дело здесь, конечно, не в лингвистическом сродстве, а в политических резонах. Указанное смешение исторически давало возможность политическим авантюристам вроде Наполеона III подменять право *наций* на самоопределение правом на самоопределение *национальностей*, которые, будучи де-факто народностями (этносамы), таким правом не обладают. Но приписывая им такое право, великодержавный агрессор получал мнимую легитимность аннексии чужой территории (якобы идя навстречу порабощённым там национальностям). Принцип «национальности», употребленный Наполеоном III для своей внешней политики, по мнению Ф. Энгельса, является русским изобретением, «выдуманным для уничтожения Польши» [Там же: 160].

Дополнительный свет на наметившиеся тенденции в национальной политике партии власти проливает одна из предвыборных статей В.В. Путина 2012 года, целиком посвящённая национальному вопросу в современной России. В ней видна явная смена парадигм: модернистский концепт российской нации толкуется теперь в перенниалистском ключе. Россия — это не политическая и современная по преимуществу общность, но «историческое государство, доставшееся нам от предков», «уникальная цивилизация с тысячелетней историей» [Путин 2012]. Русский народ и русская культура толкуются как «стержень, скрепляющий ткань этой уникальной цивилизации» [Там же]. С другой стороны, Россия для Путина — это не этническая нация, а «многонациональное государство» или «многонациональное общество» как продукт «взаимного проникновения, смешивания народов» вокруг русского народа и его культуры [Там же]. По сути, статья Путина есть попытка наполнить концептуальным содержанием клишеобразное выражение «многонациональный народ России».

Но такое наполнение означает существенное изменение смысла «русскости» в дискурсе партии власти. Если в Программе «Выбора России» 1993 года в качестве «важнейшей задачи» декларировалась «восстановление подлинных культурных традиций русского народа, развитие его этнического самосознания» [Избирательное объединение «Выбор России» 1993], то в современных документах партии власти этническое самосознание и национальное самоопределение русских невозможно отделить от самосознания и самоопределения других этносов, населяющих Россию. «Самоопределение русского народа — это полиэтническая цивилизация, скреплённая русским культурным ядром» [Путин 2012].

Соответственно, нет необходимости и развивать этническое самосознание русских, как нет нужды и в каком-то особом «строительстве» российской нации. Эта нация уже построена «исторической Россией». Тем самым этнополитический смысл «русского» размывается: он превращается в культурно-цивилизационный предикат, приписываемый всем этносам, населяющим Россию — как бы те себя ни называли (татарами, армянами, чеченцами или просто русскими). Это есть чисто перенниалистическое толкование российской нации.

Перенниалистский концепт нации не придаёт особого значения принципам национального государства, национального самоопределения и собственно гражданской нации, ибо эти принципы суть продукты Нового времени. Перенниалисты отрицают эти принципы либо открыто, либо подменяя их модернистский смысл культурно-цивилизационной интерпретацией. Так, в своей статье В.В. Путин считает «устаревшим» понятие национального государства, противопоставляя ему, однако, не имперский тип государственности, а многонациональное (полиэтническое) государство. Столь же однозначно отмежевывается российский президент и от «пресловутого национального самоопределения», усматривая в нем исключительно манипулятивное средство для получения «власти и геополитических дивидендов» [Там же].

Отказ от принципа гражданской нации осуществляется негласно, путём подмены модернистского (демократического, эмансипаторного) смысла этого концепта формально-юридическим и/или и цивилизационным. В первом случае гражданская нация понимается формально — как совокупность граждан данного государства. А не как личности с гражданскими правами и интересами, ведущие гражданский диалог друг с другом и с властью, которую они выбирают и в которой они сами участвуют. Здесь термин *граждане* подразумевает не активных субъектов политического бытия, но население как объект патерналистской заботы государства. Отсюда — «обеспечение нового качества жизни граждан путём продолжения реализации приоритетных национальных проектов» [там же], «помощи гражданам в решении жилищной проблемы» [там же], «высокое качество жизни граждан» [там же] и т. д.

Во втором случае утверждается, что Россия — это «уникальная цивилизация, основанная на наших исторических традициях» [Единая Россия 2007]. Здесь мы тоже наблюдаем латентное уничтожение понятия гражданина. Потому что Россия, «основанная на наших исторических традициях», кардинально отличается от европейского понимания гражданина и гражданской нации.

Причём концепт нации, реализованный как в статье Путина, так и в других программных документах партии власти, есть именно перенниалистский, а не примордиалистский концепт. Так, отрицание в статье Путина «насквозь фальшивых разговоров о праве русских на самоопределение» подразумевает резкую критику примордиалистского концепта «расовой чистоты» и русского этнонационализма, заставляющего людей «своими руками уничтожить собственную Родину» [Путин 2012].

Однако, перенниализм и примордиализм роднит понимание наций как извечных, древних сообществ, для которых принципиальное различие между этносом и нацией теряет смысл. По словам С.П. Поцелуева, проблемой «цивилизационного подхода» к нации является то, что «в тенденции он ведёт от перенниалистской к примордиалистской трактовке нации, что в политической области часто соответствует переходу от умеренно-консервативной к праворадикальной позиции» [Поцелуев 2013: 78]. Российский исследователь ссылается в этой связи на статью отечественного философа М. Ремизова, который, развивая концепт российской нации в духе теории «локальных цивилизаций», обнажает в нем органическую связь имперских и этнонационалистических мотивов.

Резюмируем:

- «Партия власти» есть случай «электоральной автократии», когда выборы формально проводятся, но не приводят к утрате власти правящей группой. В отличие от зарубежных доминантных партий, партия власти в постсоветской России выступала не столько партией национальной модернизации, сколько инициатором консервации власти

нынешней российской элиты и усиления консервативных тенденций во всех сферах жизни общества. Будучи зависимой только от воли своего политического патрона и выступая де факто частью бюрократического аппарата, партия власти развивает автореферентно-парадоксальный, эклектичный и противоречивый дискурс, в котором концепт нации также оказывается крайне двусмысленным.

- Эта двойственность концепта нации очевидна уже в программных документах первой версии партии власти — избирательного объединения «Выбор России». В целом, в них превалирует гражданский идеал нации как «суверенного демократического объединения граждан» с гарантиями их личных прав и свобод. Вместе с тем, реальный парламентский дискурс «демократов» обнаруживает дрейф концепта «гражданской нации россиян» в сторону, с одной стороны, государственно-бюрократического концепта нации, свойственного официальному национализму империй, а с другой — в сторону этнического национализма.
- Эта тенденция усиливается в позднейших версиях партии власти. В партийной программе «Нашего Дома — России» «возрождение русской нации» приравнивается к «росту национального самосознания всех россиян», акцентируется консервативная идея исторической преемственности постсоветской России с её царским и советским прошлым. «Отечество» под руководством Ю.М. Лужкова также развивает противоречивый концепт «многонационального народа Российской Федерации», в котором принцип личной свободы и равноправия всех народов России совмещается с пониманием российского народа как уникальной цивилизации с особой ролью в ней русского народа.
- Партия «Единая Россия» как актуальная (и тотальная) версия партии власти ориентировалась первоначально на гражданский концепт российской нации, не проявляя существенного интереса к национальному вопросу. Но с 2007 года этот концепт начинает толковаться в программном дискурсе «Единой России» ещё более противоречивым образом, чем в предшествующих ей версиях партии власти. Гражданская нация россиян определяется единосроссами по культурно-цивилизационным признакам, тогда как собственно гражданско-политический её маркер затемняется. Подмена концепта гражданской нации концептом государственно-бюрократической (державной) нации составляет ключевой момент национального дискурса «Единой России».

Отказ идеологов «Единой России» от принципа государства-нации в пользу государства-цивилизации означает стремление строить не гражданскую, а имперскую нацию. Одновременно заводится в действие процесс подмены модернистской парадигмы нации парадигмой перенниалистской, а в тенденции — и примордиалистской. В контексте этого процесса между российскими партиями (в особенности между партией власти и партией без власти с одной стороны, и партиями несистемной оппозиции — с другой) разгораются семантические войны за право монопольного истолкования терминов нация, национальность, народ, отечество, соотечественники, русские, россияне и др.

Андерсон Б. 2001. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма.* / Пер. с англ. — М.: «КАНОН-Пресс», «Кучково поле».

Арендт Х. 1996. *Истоки тоталитаризма.* — М.: ЦентрКом.

Беспалова Т.В. 2010. *Социокультурная и политическая легитимация патриотизма в конфликтных условиях российского переходного общества.* — Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена.

Брудный И.М. 2002. Политика идентичности и посткоммунистический выбор России. — *Полис. Политические исследования.* — № 1. — С. 87–104.

Бурдьё П. 1993. Социальное пространство и генезис «классов». — Бурдьё П. *Социология политики*. Пер. с фр. — М.: Socio-Logos. — С. 53–98.

Вебер М. 2003. Парламент и правительство в новой Германии. — Вебер М. *Политические работы (1895–1919)*. — М.: Праксис. — С. 107–299.

Вердери К. 2002. Куда идут «нация» и «национализм»? — *Нации и национализм*. — М.: Праксис. — С. 297–307.

Гельман В.Я. 2006. От «бесформенного плюрализма» к «доминирующей власти»? Трансформация российской партийной системы. — *Общественные науки и современность*. — № 1. — С. 46–58.

Гельман В.Я. 2008. Политические партии в России: от конкуренции — к иерархии. — *Полис. Политические исследования*. — № 5. — С. 135–152.

Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В. 2001. «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ. — *Полис. Политические исследования*. — № 1. — С. 6–14.

Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 13 января 1994 г. — Электронный ресурс: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3259/>. — Проверено: 22.03.2015.

Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 11 марта 1994 г. — Электронный ресурс: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3229/>. — Проверено: 10.03.2015.

Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания от 18 марта 1994 г. — Электронный ресурс: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3235/>. — Проверено: 10.03.2015.

Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания от 11 ноября 1994 г. — Электронный ресурс: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3136/>. — Проверено: 24.03.2015.

Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания от 23 декабря 2003 г. — Электронный ресурс: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1386/>. — Проверено: 10.03.2015.

Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания от 5 августа 2004 г. — Электронный ресурс: <http://transcript.duma.gov.ru/node/1293/>. — Проверено: 10.03.2015.

Гражданское общество и правовое государство... 2004. Гражданское общество и правовое государство. Патриотизм и национализм (Материалы заседания фонда «Либеральная миссия»). — *Общественные науки и современность*. — № 4. — С. 71–86.

Данн О. 2003. *Нации и национализм в Германии 1770–1990*. — С.-Петербург: Наука.

Дубовцев В.А., Розов Н.С. 2007. Природа «Русской власти»: от метафор к концепции. — *Полис. Политические исследования*. — № 3. — С. 8–23.

Дюверже М. 2000. *Политические партии*. — М.: Академический проект.

Единая Россия. Официальный сайт партии... *Единая Россия. Официальный сайт партии*. — Электронный ресурс: <http://er.ru/core/news/subject/96.html>. — Проверено: 22.03.2015.

Избирательное объединение «Выбор России»... 1993. *Избирательное объединение «Выбор России». Программа. Принята на учредительном Съезде общественно-политического блока «Выбор России», октябрь 1993 г.* — М.: Нисса.

Калинин К.О. 2008. Русский национализм: сравнительный анализ 1995 и 2003 годов. — *Общественные науки и современность*. — № 3. — С. 64–76.

Конституция СССР... 1987. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). — Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. *Очерк истории Советской Конституции*. — М.: Политиздат.

Конституция Российской Федерации... 2009. Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 года, с изменениями от 30 декабря 2008 года. — *Российская Газета*. — 21 января. — № 4831.

Коротец И.Д., Никулина М.А. 2007. *Экологическое мировоззрение эпохи стихийной глобализации*. — Ростов-на-Дону: Ростиздат.

Кынев А.В. 2013. «Партия власти» как партия. — *Неприкосновенный запас*. — № 1(87). — Электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/1/k6.html>. — Проверено: 08.03.2015.

Макаренко В.П. 1998. *Русская власть (теоретико-социологические проблемы)*. — Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ.

Макаренко В.П. 2000. *Технократические мамелюки: социополитические аспекты концепции А. Макинтайра*. — Ростов-на-Дону: изд-во СКНЦ ВШ.

Макаренко В.П. 2013. *Русская власть и бюрократическое государство. Ч. 1*. — Ростов-на-Дону: Изд-во «Март».

Макинтайр А. 2000. *После добродетели: Исследования теории морали*. — М.: Академический проект.

Малинова О.Ю. 2001. Партийные идеологии в России: атрибут или антураж? — *Полит. Политические исследования*. — № 5. — С. 97–106.

Малинова О.Ю. 2004. Дискуссии о государстве и нации в постсоветской России и идеология «империи». — *Политическая наука*. — № 3. — С. 31–58.

Манен Б. 2008. *Принципы представительного правления*. — СПб.: Изд-во Европейского университета.

Накануне двадцатки... 2013. «Накануне двадцатки». Владимир Путин ответил на вопросы о Сирии, Украине, Обама и о выборах в Москве. — *Российская Газета. Неделя*. — № 198(6174). — 5–11 сентября.

Общероссийская политическая общественная организация «ОТЕЧЕСТВО». *Официальный сайт*. — Электронный ресурс: <http://www.otech.ru/organization.htm>. — Проверено: 17.03.2015.

Павловский Г.О. 2004. Судороги рождения нации (06.09.2004). — *Кремль.Org. Политическая экспертная сеть*. — Электронный ресурс: <http://www.kreml.org/interview/64955218>. — Проверено: 11.03.2015.

Пивоваров Ю.С. 2006. Русская власть и публичная политика. — *Полит. Политические исследования*. — № 1. — С.18–24.

Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. 1999. Русская Власть и Реформы. — *Pro et Contra*. — Т. 4. — № 4. — С. 176–197.

«ПОЛИТ.РУ»: От классических проявлений ксенофобии к борьбе с силами зла. Язык вражды в русском интернете 1–8 сентября 2004 г. — *Портал CREDO.RU*. — Электронный ресурс: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=monitor&id=5343>. — Проверено: 10.03.2015.

Поцелуев С.П. 2013а. Диалог с бюрократом как пространство политической власти. — *Сборник материалов III Южно-Российского политологического конвента (г. Ростов-на-Дону, 8–12 октября 2012 г.)*. — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ. — С. 230–236.

Поцелуев С.П. 2013б. Правый консенсус: о новых стратегиях кремлевской элиты в сфере национальной политики. — *Элитология России: современное состояние и перспективы развития. Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием, 7–8 октября 2013 г.*, Ростов-на-Дону. Ред.-изд. Гр.: В.В. Рудой (руков.) и др. В 2-х т. — Т. 2. — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС. — С. 73–85.

Предвыборная платформа Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом — Россия». Утверждена Вторым съездом Движения 12 августа 1995 г. — М., 1995. — Электронный ресурс: <http://www.permgani.ru/politads/files/1278.pdf>. — Проверено: 17.03.15.

Предвыборная Программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» (на выборах Президента России 4 марта 2012 года). — *Российская Газета*. — 08.02.2012. — Электронный ресурс: <http://www.rg.ru/2008/02/02/edinros.html>. — Проверено: 19.03.15.

Предвыборная Программа Всероссийской политической партии «Единая Россия». Принята VIII Съездом Всероссийской политической партии «Единая Россия» 1 октября 2007 года, г. Москва. — *Российская Газета*. — 09.11.2007. — Электронный ресурс: <http://www.rg.ru/2007/11/09/er.html>. — Проверено: 11.03.2015.

Программа Всероссийского общественно-политического движения «Наш Дом — Россия». — М., 1995.

Программа Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом — Россия». — Москва, 24 апреля 1999 г. — Электронный ресурс: <http://www.permgani.ru/politads/files/1194.pdf>. — Проверено: 18.03.2015.

Программа партии «Демократический выбор России». — Москва, 1994.

Программный документ партии «Единая Россия» «Россия: Сохраним и приумножим!». Принята на XI съезде партии «Единая Россия» 21 ноября 2009 г., г. Санкт-Петербург. — *Ростовское региональное отделение партии «Единая Россия». Официальный сайт*. — Электронный ресурс: http://old.rostov.er.ru/index.php?do=static&page=pr_part3. — Проверено: 21.03.2015.

Проект «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации». — *Azerros. Информационно-аналитический портал*. (29 октября 2012 г.). — Электронный ресурс: <http://azerros.ru/information/6806-proekt-strategii-gosudarstvennoy-nacionalnoy-politiki-rossiysko-y-federacii.html>. — Проверено: 20.03.2015.

Путин В.В. 2004. Обращение Президента России Владимира Путина. — *Президент России. Официальный сайт*. — Электронный ресурс: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2004/09/76320.shtml>. — Проверено: 13.03.2015.

Путин В.В. 2012. Россия: национальный вопрос. — *Независимая Газета*. — 23.01.2012. — Электронный ресурс: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html. — Проверено: 19.03.2015.

Размолодин М.Л. 2012. *О консервативной сущности черной сотни. Монография*. / Под редакцией Ю. Ю. Иерусалимского. — Ярославль: Ньюанс. 2-е изд.

Ренан Э. 1902. Что такое нация? — Ренан Э. *Собрание сочинений в 12-ти тт.* Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т. 6. — Киев. — С.87–101. — Электронный ресурс: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Ren_Nacia.php. — Проверено: 14.03.2015.

Ремизов М.В. 2005. Проект «Государство-цивилизация». — *АПН*. — 02.09.2005. — Электронный ресурс: <http://www.apn.ru/publications/article1280>. — Проверено: 17.03.2015.

Российская идентичность в социологическом измерении... 2008. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. — *Полис. Политические исследования*. — № 3. — С. 9.

Рябов А.В. 2005. Пока не началось. — *Апология. Ежемесячный гуманитарный журнал*. — № 8. — Электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/1/k6.html>. — Проверено: 17.03.2015.

Смит Э. 2004. *Национализм и модернизм*. — М.: Праксис.

Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции. — *Полис. Политические исследования*. — № 2. — С.5–23.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666). — *Гарант. Информационно-правовой портал*. — Электронный ресурс: <http://base.garant.ru/70284810/>. — Проверено: 20.03.2015.

Сурков В.Ю. б/д. *Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности.* — Электронный ресурс: <http://www.kreml.org/media/111622794>. — Проверено: 23.03.2015.

Толпыгина О.А. 2008. Анализ мифологических оснований идеологий современных политических партий (на примере КПРФ и ЛДПР). — *Политическая теория, язык и идеология.* — М.: РАПН, РОССПЭН. — С. 393–441.

Толпыгина О.А. 2010. Модель национальной идентичности в программах партии «Единая Россия». — *Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах.* Под ред. Ю.Г. Коргунюка, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой. — М.: «КМК». — С. 118–133.

Фадеечева М.А. 2007. «Непредставленная» идеология и дискурс «нашизма». — *Демократия, управление, культура: проблемные измерения современной политики. Политическая наука: Ежегодник 2006.* — М.: РОССПЭН. — С. 455–467.

Хенкин С.М. 1997. «Партия власти»: штрихи к портрету. — *Полития.* — № 1. — С. 28–35.

Хобсбаум Э. 1998. *Нации и национализм после 1780 г.* Перевод с англ. А.А. Васильева. — СПб.: Алетейя.

Чубайс А.Б. 2003. Миссия России в XXI веке (01.10.2003). — *Независимая Газета. Идеи и люди.* — Электронный ресурс: http://www.ng.ru/ideas/2003-10-01/1_mission.html. — Проверено: 10.03.2015.

Энгельс Ф. 1960. Какое дело рабочему классу до Польши? — Маркс К., Энгельс Ф. *Собрание сочинений. Т. 16.* — М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.